

ДЯДЯ САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ 11

АЛЕКСАНДР ГОРБОВ

Александр Горбов

**Дядя самых честных
правил. Книга 11**

Александр "Котобус" Горбов

2026

Горбов А. «.

Дядя самых честных правил. Книга 11 / А. «. Горбов —
Александр "Котобус" Горбов, 2026

Мир, где дворяне гордятся магическим Талантом, князьям служат отряды опричников, а крепостные орки послушно отрабатывают барщину. Мир, где кареты тащат магомеханические лошади, пушки делают колдуны, а масоны занимаются генетикой. Мир, где подходит к концу XVIII век, вместо Берингова пролива — Берингов перешеек, а на Российский престол взошла Екатерина Вторая.

© Горбов А. «., 2026

© Александр "Котобус" Горбов, 2026

Содержание

Глава 1 - Здравствуй, Алеутщина!	6
Глава 2 - Засада	10
Глава 3 - Ворон	14
Глава 4 - Дорога на юг	18
Глава 5 - Гасиенда	22
Глава 6 - Принц	26
Глава 7 - Ловись рыбка	30
Глава 8 - Минус один	34
Глава 9 - Минус два	38
Глава 10 - Де Суньига	42
Глава 11 - Жадность и фальшивка	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр «Котобус» Горбов

Дядя самых честных правил. Книга 11

Название: Дядя самых честных правил 11

Автор(-ы): Александр "Котобус" Горбов

Глава 1 - Здравствуй, Алеутщина!

Ступив на Алеутский берег, я на мгновение замер. Эфирное поле, разлитое вокруг, заметно дрогнуло. Будто почувствовало — пришёл хозяин! И приветствовало князя, берущего власть над своей землёй по-настоящему, а не на бумаге. Быть может, движение силы просто совпало с моим шагом, но приятнее было думать, что это княжество узнало меня. Впрочем, я сразу выкинул эти мысли из головы и занялся более насущными делами.

В порту Хомера собралась целая толпа: опричники, торговый люд, женщины в цветастых платках, мелькали синекожие алеуты. Все они галдели и старались рассмотреть сходящих с корабля: всё-таки прибытие князя и его свиты — далеко не рядовое событие.

Среди встречающих я увидел знакомые лица. Ванька Черницын, мой “деланный инженер”, уже не напоминал того юного крепостного орка, каким я его помнил. Он превратился в высокого крепкого мужчину, и только яркие жёлтые глаза всё так же горели любопытством и восторгом от жизни. На его руку опиралась Настя Иванова, подруга Ваньки и тоже “деланный инженер”, ставшая настоящей барышней. С ними рядом стояла ещё одна Анастасия — Ларина, другая моя ученица. Некрасивая в юношеском возрасте, она повзрослела и обрела шарм уверенности в себе и своих силах.

— Здравствуйте, Константин Платонович!

— Друзья мои!

Я обнял всех по очереди, заставив смутиться. Но я имел право на такое проявление чувств — это были мои ученики, практически приёмные дети. Я наставлял их в деланной магии, дал цели и перспективы. Без них не было бы эфирной дороги, протянувшейся через всю Россию. И честно скажу, я гордился ими как отец.

— Добрый день, ваша светлость!

Из толпы вынырнул орк и поклонился мне. Щербатов, прошедший путь от коробейника до управляющего Русской Американской компанией, уже ничем не напоминал прежнего офеню. Даже обломанный клык блестел теперь золотой коронкой, демонстрируя богатство хозяина. Но фигура у него осталась поджарой, как и десять лет назад, — без дела предприимчивому орку сидеть не приходилось.

— Рад видеть тебя в здравии, Иван Акакиевич.

— Вашей волей, Константин Платонович, — он расплылся в улыбке. — Сами знаете, если бы не вы, так и продавать мне ленты девкам до самой старости. Ваши интересы в первую очередь блюду.

По его команде опричники создали проход в толпе, пропуская меня и остальных.

— Для вас специально дом подготовили, Константин Платонович. Желаете отдохнуть? Когда мне с докладом явиться?

— Считай, уже явился, — я рассмеялся. — Сейчас пообедаем, и расскажешь, как у нас дела.

За время плавания на Алеутщину я уже выслушал подробный доклад Харитона Хухая, разобрался в обстановке на юге и прочитал детальный отчёт по острогам на Аляске. Теперь пришёл черёд вникнуть в торговые дела с Щербатовым и поговорить с “деланными инженерами”. Хотя беседа с последними — больше отдых и удовольствие, а не работа.

Через три дня всё население Хомера собралось возле деревянной городской церквушки. Ну а как им было пропустить такое знаменательное событие — женитьбу их князя?

— Ты не обязан... — За день до этого Таня внезапно разнервничалась и впала в сомнения. — Я сняла с тебя мамино заветное ещё в Египте. Тем более что оно протухло из-за пляски времени в пирамиде.

— Глупости какие, — я взял её за руки и заглянул в глаза. — Я женюсь на тебе не из-за заветного, а потому что люблю.

— Я не гожусь в княгини, а теперь ещё и старше тебя на десять лет. Ты можешь найти партию выгоднее...

— Таня, посмотри на меня. Причём здесь возраст? Я смог выбраться из пирамиды только потому, что знал — ты меня ждёшь. Вышел оттуда к тебе, а не к кому-то другому.

— Правда?!

— Самая что ни на есть. Правдивей не бывает.

Больше мы не возвращались к этой теме, и в назначенный день я повёл её к алтарю. Марья Алексевна и Настасья Филипповна украдкой утирали слёзы платочками. Ксюшка тоже плакала, радуясь за старшую подругу. Бобров будто помолодел, глядя на нас. Киж нарядился в свой самый щегольский костюм и с самого утра начал отмечать событие. Даже Бобровы-младшие осознали торжественность момента и не шалили во время церемонии. Правда, потом, во время застолья, оторвались на полную катушку.

Мои “деланные инженеры”, впечатлённые тем, что попали на княжескую свадьбу, устроили нам потрясающий подарок. Грандиозный магический фейерверк, какого я даже представить не мог. Весь залив, казалось, пылал переливающимся цветным огнём, алые драконы взлетали в небеса, а на кричащий от восторга народ падали сияющие искры.

Кажется, Щербатова чуть не хватил удар, когда он получил приглашение на мою свадьбу. Два дня он метался по Хомеру, пытаясь найти себе подходящий наряд. И на торжество явился разряженный в пух и прах. Уж не знаю, где он достал завитой парик, но выглядел он как царедворец времён Анны Иоанновны.

Весь город праздновал нашу свадьбу: ел от пуза угощения, поднимал кружки за здоровье молодожёнов, орал песни и танцевал до упада. До самого утра гулял Хомер, шумно и с размахом.

Мы с Таней не обращали на крики за окном никакого внимания. Эта ночь принадлежала только нам двоим. С самой первой нашей встречи я знал — именно Таня нужна мне. Мы были предназначены друг другу судьбой, ни больше и ни меньше. И мы будем вместе, пока смерть не разлучит нас. Да и то не факт — у меня есть кое-какие связи, знаете ли, и с “разлучением” я что-нибудь решу.

Растягивать празднование на несколько дней мы не стали. Слишком много накопилось дел, требующих моего внимания. Впрочем, на Алеутщине всё было не так плохо. Да, здесь появлялись чужие торговцы, скупавшие пушнину в обход Русской компании. Но пока с ними ничего нельзя было поделать — маловато у меня людей для контроля таких огромных территорий. Чтобы изменить ситуацию, требуется наладить производство патрульных ломолётов и отправить сюда несколько штук.

Где я действительно был нужен, так это на юге. С испанцами назревали серьёзные проблемы, и Камбов в одиночку не сможет их решить. Сейчас по всей границе шли мелкие стычки: на нашу территорию засылались бандитские отряды, несколько наших острогов спалили дотла. Опричники справлялись с большим трудом, но по докладам разведки в следующем году нужно ждать полноценного вторжения. Чтобы успеть его отразить, я уже должен быть там и запускать производство военной техники.

Но прежде чем отправиться в Ангельскогорск, требовалось решить одну, но большую проблему на севере. С которой не смогли справиться скопом все мои “деланные инженеры”.

— Эфирная дорога от Хомера до Иван-Кулибинска почти готова, — рассказывал Черницын. — Три с половиной тысячи вёрст, Константин Платонович! Отсюда на восток, по тайге вокруг Скалистых гор и поворачивает к побережью. В Сибири легче строить было — там припасы лучше подвозили, люди иногда встречались. А здесь совсем дикие места, даже индейцев там почти не видели. Но мы справились быстрее, чем думали.

— А почему почти? Много там осталось проложить?

Черницын, Настя и Анастасия разом уехали, помрачнели и отвели взгляды.

— Понимаете, Константин Платонович, — Черницын вздохнул. — Проложили-то мы полностью. Соединили с дорогой на Ангельскогорск, и два состава успели провести. Но, как бы это сказать, она не работает. Мы пробовали исправить и...

— Ваня, не темни, говори как есть. В чём проблема?

Он ещё раз вздохнул, переглянулся с девушками и выложил скороговоркой:

— У нас целый участок дороги сбоит, Константин Платонович! Там всего-то сто пятьдесят вёрст вдоль реки Тананы. И будто проклял кто-то! Мы уже и опоры три раза меняли, думали, бракованные, и вручную их на месте рисовали. Я сам каждый Знак проверял, честное слово. А оно всё равно! Мы даже решили, что там природный выход эфира, который нам всё портит. Искали его, но ничего не нашли. И самое обидное, что остальная дорога в порядке!

— Ваня, успокойся. Конкретно, что происходит с дорогой?

— Эфирный жёлоб ломается, Константин Платонович! То целые куски исчезают, то он закручивается вот так, — Черницын руками показал непонятную фигуру. — А кое-где жёлоб рвётся, и вверх оба конца изгибаются. Если бы сам не видел, ни за что бы не поверил, что так бывает. Только вы сможете с этим разобраться!

— Очень интересно, — я задумался. — Ну-ка, изобразите мне, какие типы слома жёлоба видели.

Трое “деланных инженеров” взяли бумагу и, споря, принялись рисовать странные фигуры. Я смотрел на перекрученные плоскости и не верил, что такое возможно. Какая сила могла так исказить эфирные силовые линии? Сверхмощный артефакт с громадным накопителем? Ему просто неоткуда взяться в этих диких землях. Природные залежи эфира? Но Ключкамень не показал мне ничего подобного. Чужое вредительское колдовство? Гораздо проще было бы сломать Печати на опорах, а не действовать таким изощрённым методом, тратя уйму сил.

— Собирайте поезд, будем смотреть на месте, — велел я Черницыну. — Локомотив, вагоны для нас и опричников.

— Оборудование для заливки опор брать?

— Возьми на всякий случай. Хотя есть у меня подозрение, что дело не в них. И поторопись, надо выехать уже сегодня.

Пока мы с Таней собирались, по мою душу пришёл Щербатов с огромным мешком.

— Константин Платонович, — поклонился он. — Позвольте мне вручить вам свадебный подарок.

Орк подошёл ближе, развязал мешок и показал содержимое.

— Шкурки? — я удивлённо разглядывал белый мех.

— Не просто шкурки, Константин Платонович, — улыбнулся Щербатов, блеснув золотым клыком. — Горностай! Как раз хватит сшить плащ али мантию какую. Чтобы на троне в нём сидеть и послов заграничных принимать.

— Эх ты, братец, хватил, — я усмехнулся. — Трон и горностаевая мантия только королям и императорам по чину. А я простой князь, если ты помнишь.

Бывший офеня развел руками.

— Князья тоже разные бывают, Константин Платонович. Видел я таких, что без слёз не взглянешь. Капитал в карты проиграют, имение заложат по самую крышу, денег даже на обед нет. А туда же — я, мол, князь, мне с купцами здороваться зазорно. А вы другое дело! О людях заботитесь так, что ваши крепостные даже слышать не хотят о вольной. Земли американской сколько забрали. Сами сюда приехали, а не в столице сидите. Нет, вы не просто князь! А вроде князя из былин, Владимира “Красно око”, которому девять богатырей служили.

Я едва не расхохотался от такого сравнения, но тут Щербатов меня ошарашил:

— А ежели, Константин Платонович, матушка-императрица с вами не по совести поступать будет, то вы княжество можете из-под её руки забрать. Сказать, что мы сами по себе, и дело с концом. Будем русской американщиной. С вами воевать всё равно никто не решится!

— Кхм. Скажи мне, Иван Акакиевич, откуда у тебя такие мысли?

Щербатов пожал плечами.

— Многие так думают.

Ёшки-матрёшки, этого мне не хватало! Что за сепаратистские настроения? Подозреваю, это мысли не только Щербатова. Но сейчас для них не место и не время.

— Вот что, дорогой мой. Ты эти разговоры прекращай и другим скажи, чтобы помалкивали.

На лице орка мелькнуло хитрое выражение.

— Понял, Константин Платонович, всё понял. Ни словечка больше не скажем, чтобы не услышал кто зря.

— Вот и хорошо, — я посмотрел на мешок со шкурками горностаев и кивнул. — А подарок твой приму. Благодарю, Иван Акакиевич, уважил.

Прежде чем уйти, Щербатов спросил:

— Константин Платонович, а правду говорят, что архангел являлся?

— Кто?!

— Архангел. Явился в небе над Царьградом и погрузил город в пучину морскую, дабы наказать османов. И только церкву одну оставил посреди острова. Рассказали вот, а мне что-то не верится.

— Архангела никто не видел, а город действительно ушёл под воду.

Судя по виду, Щербатов мне не сильно поверил. Но разубеждать его я не стал — без толку, людям хочется верить в чудо. Да и не с руки мне выдавать, что в роли “архангела” был я сам. А то одним Владимиром “Красно око” я уже не отделаюсь.

Глава 2 - Засада

Река Танана не могла похвастаться шикарными видами. С одной стороны — топкая низменность, заросшая ёлками. С другой — холмы, сплошь покрытые лесом из тех же ёлок. Между этими холмами и широким руслом реки мои инженеры и проложили злосчастную эфирную дорогу.

— Вот, Константин Платонович, отсюда начинается.

Ванька Черницын указал на искореженный участок. В магическом зрении он выглядел сюрреалистично, будто кто-то специально мял эфирный жёлоб, словно глину, тянул и закручивал. А потом бросил, как надоевшую игрушку.

Эфирное полотно было испорчено аршин на сто, а затем снова пошла нормальная дорога.

— Вот так, кусками, до самой Белой реки, — пояснил Черницын.

— Сколько по времени займёт сменить опоры испорченных участков?

— Ну, — Черницын поднял глаза к небу, — в прошлый раз мы за трое суток справились. Сейчас быстрее, думаю. Но когда мы у Белой реки последние меняли, первые уже снова сломались.

— Очень хорошо, — я остановился, разглядывая скомканный жёлоб.

— Чего же хорошего, Константин Платонович? — вздохнул Ванька. — Если придётся в обход через горы строить, там туннели надо делать. Работы ещё на год, если не больше.

— Хорошо, что ломается быстро — хочу посмотреть, как это происходит. Скажи, Ваня, а карту сломанных участков ты не составлял?

Черницын помотал головой.

— Нет, Константин Платонович. Как-то не подумал, что она нужна.

— Значит, придётся самому посмотреть сверху. Дмитрий Иванович! — я обернулся. — Готовь нашу “этажерку” на вылет.

Кижа не надо было упрашивать — для него полёты стали желаннее бочки рябиновки или партии в карты.

— Ставьте здесь лагерь, — приказал я Черницыну. — Сегодня осмотрю повреждения, а завтра подумаем, что делать.

Когда Киж начал собирать “этажерку” возле поезда, “деланные инженеры” бросили все дела и столпились рядом. Сначала разглядывали незнакомую конструкцию, а потом принялись громко обсуждать аппарат и незнакомые Знаки на крыльях.

— Не взлетит, — заявила Настя Иванова. — Знаки не будут создавать достаточную подъёмную силу.

— Если Константин Платонович сказал, что полетит, — хмыкнул Черницын, — значит, так и будет. А мы просто не понимаем, на каком принципе оно работает.

— Да что тут понимать?! Ты же видишь, что там нарисовано. Даже ребёнка поднять не сможет.

— А если это Знаки для управления? Усилия от них хватит, чтобы поворачивать и давать крен.

— Думаешь? — Иванова нахмурилась, критически разглядывая крылья. — Тогда должны быть другие фигуры для полёта. Дмитрий Иванович, а вы можете перевернуть аппарат, чтобы мы посмотрели?

Киж так на них глянул, что вся троица мгновенно передумала что-то разглядывать. Но и сбегать им не удалось — мертвец припряг “бездельников” помогать, и сборка “этажерки” пошла гораздо быстрее.

— А я говорил, что полетит! — орал Черницын, когда мы с Кижом поднялись в воздух. — Константин Платонович гений!

— Я тоже хочу летать! — кричала Настя Иванова, подпрыгивая от возбуждения. — Попроси дать нам схему Знаков! Мы себе такой сделаем!

Сидя в кабине, я усмехнулся — схемы вы обязательно увидите. И не просто сделаете летающий аппарат, дорогие мои “инженеры”, вы их производить будете в промышленных масштабах.

Расстелив на коленях подробную карту местности, я отмечал на ней испорченные участки эфирной дороги. Сверху открывался совершенно иной вид на искажённое полотно, и стало заметно, что искажения жёлоба чередуются на каждом из сломанных отрезков. В одном закручивалось в левую сторону, на следующем — в правую, и снова в левую. К тому же встречались достаточно длинные неповреждённые участки, на которых не было ни малейшего следа воздействия.

За два часа мы добрались до Белой реки, приземлились возле последнего сломанного куска дороги и сделали привал.

— Ну как, Константин Платонович, удалось что-то найти? — спросил Киж, заглядывая в карту.

— Пока ничего не ясно.

— А что это за стрелочки? — Киж провёл пальцем по моим отметкам закручивания жёлоба. — Туда-сюда, туда-сюда. Как червяк полз.

— Червяк, говоришь?

Я взял карандаш и провёл линию, обозначая этого самого “червяка”. Получилась вполне узнаваемая синусоида. Слишком уж правильная для случайного появления. Кажется, я встречал описание заклятий,двигающихся подобным образом. Вот только память упорно отказывалась выдавать подробности, будто насмехаясь. Ладно, и без книжных знаний разберусь.

Пройдясь на карте по всей трассе, я выделил четыре больших кластера поломок. И поражения на каждом из них отлично ложились на отдельную синусоиду. А если обозначить оси этих “червячков”, то все они сходились в одном районе. Словно оттуда кто-то стрелял необычным волшебством по моей эфирной дороге.

Киж, видя мои построения на карте, хмыкнул.

— Думаете, оттуда кто-то устраивает диверсии?

— Может быть, Дмитрий Иванович, очень может быть. Давай-ка мы с тобой слетаем туда и посмотрим.

Мы несколько часов кружили над лесом, но так ничего и не обнаружили. Эфирный фон здесь явно был повышенный, но никаких природных источников не наблюдалось. Не было видно и специфических следов от работы Талантов.

Если честно, я окончательно запутался. Просто мистика какая-то! Это точно не могла быть деланная магия, по крайней мере известная мне. И не Талант — его отпечаток сохранился бы в эфирном фоне. Так что же это? Природный феномен? Но ведь и его не видно!

— Возвращаемся, Дмитрий Иванович.

— Пусто? — Киж обернулся в пилотском кресле. — Придётся строить дорогу в обход?

— Не хотелось бы, — я поморщился. — Сначала попробуем поймать “вредителя” на живца.

На следующее утро я приказал начать замену опор повреждённых участков. Таня присоединилась к “деланным инженерам”, а мы с Кижом отправились устраивать засаду. Выбрали

холм, с которого просматривался большой участок дороги, и соорудили там удобную засидку. Под ёлочкой с натянутой эфирной “сеткой” от насекомых и животных, с костерком и чаем в котелке. А Киж перегнал туда “этажерку” на всякий случай.

Третьим членом нашей компании была моя мёртвая ворона. Я выпустил птицу ещё в Хомере, но она не захотела расставаться и следовала за мной по пятам. Только мои полёты на “этажерке” её возмущали до глубины птичьей души, и она демонстративно отказывалась лететь рядом с парящим аппаратом.

— Дмитрий Иванович, тебе придётся подменять меня ночью. Нужно отследить момент, когда желоб начнёт портиться.

— Так я не вижу ни черта с такого расстояния, Константин Платонович. Я вашу эфирную дорогу шагов с пяти могу разглядеть, не больше.

— Ничего страшного, значит, будешь гулять вдоль путей как сторож. А когда начнётся — разбудишь меня.

Киж недовольно поджал губы, но перечить не стал.

Весь день мы наблюдали, как “деланные инженеры” меняют пластины со Знаками в опорах. Уже под вечер поезд с ними отправился дальше, а мы с Кижом остались караулить. Чтобы не было скучно, я гонял мертвеца по основам деланной магии. Обучение шло не слишком быстро, но прогресс имелся, и он уже мог изобразить несколько простых Знаков.

Время шло, эфирная дорога стояла как новенькая, а солнце между тем уже село.

— Всё, Дмитрий Иванович, я спать. Как что-то случится — буди.

Он вздохнул и отправился караулить. А я с чистой совестью завернулся в одеяло и завалялся дрыхнуть.

— Константин Платонович!

— А? — я открыл глаза и увидел перед собой хмурое лицо Киж. — Началось?

— Только утро, — он мотнул головой. — Всё в порядке, всю ночь ходил туда-сюда, ничего подозрительно не увидел. Только медведь где-то рядом по кустам шуршал, но со мной связываться побоялся.

— Да уж, с тобой только свяжись. Будь добр, поставь вариться кофий.

Воздух был прохладный, и вылезать из-под одеяла страшно не хотелось. Я завернулся в него и сел, окидывая взглядом эфирную дорогу. Жёлоб в магическом зрении едва светился, хорошо видимый в утренних сумерках. Только далеко справа он будто окутался белёсой дымкой.

— Дмитрий Иванович!

— Уже ставлю, только дровишек сейчас подкину.

— Гаси костёр, началось.

Я сбросил одеяло и встал. Да, так и есть — отдельные участки эфирной дороги окутывались очень подозрительным туманом. А если напрячь зрение, то можно было рассмотреть рябь в эфире и огромную призрачную тушу. Киж оказался прав — она действительно напоминала червя. Гигантского, сплетённого из разрежённого эфира, “ползущего” по той самой синусоиде.

Ничего подобного я в жизни не видел! Да, это магия, без всякого сомнения. Но очень странная и ни на что не похожая. Никто не работает с такой массой эфира, да ещё и настолько неплотной. Я не знаю, кто вообще мог подобное сделать!

— Дмитрий Иванович, заводи “этажерку”. Нужно посмотреть на это сверху.

Через десять минут мы были в воздухе, и Киж принялся нарезать круги над “червём”. Ёшки-матрёшки, это просто невообразимо! Никогда бы не подумал, что сырой эфир может корёжить сложные Знаки. Будто вскрывшийся лёд на реке, “червь” ломал эфирную дорогу. Медленно, тихо и неотвратно. И, что самое плохое, я не представлял, как остановить подобную “зверушку”.

— Кар-р-р-р!

Ворона всё-таки последовала за мной, но сама лететь не захотела и устроилась на крыле этажерки.

— Полностью с тобой согласен, пернатая. — Я хлопнул Киж по плечу. — Поворачивай вон туда. Посмотрим, откуда эта дрянь приползла.

“Червь” был настолько неплотный, что мертвец не видел его даже вблизи. Да и я едва различал его среди высоких елей. Несколько раз мы теряли его из виду, и приходилось кружить над лесом, чтобы снова взять след. Но чем дальше мы летели, тем лучше я различал призрачный хвост. И в конце концов нашёл источник странного колдовства.

— Дмитрий Иванович, видишь вон там, на прогалине?

— Э-э-э-э.... Это кто такие, Константин Платонович? Что за синекожие морды там отплясывают?

— Полагаю, это алеутские шаманы. Которым почему-то не угодила наша эфирная дорога. Садись вон там, подальше. Нанесём визит этим сударям с бубнами и объясним всю глубину их заблуждений.

“Этажерка” заложила вираж и пошла на снижение.

Пятеро синекожих шаманов, увешанных странными украшениями из перьев и костей, самозабвенно выплясывали вокруг костра. Лупили в бубны колотушками и напевали непонятные слова гортанными голосами. Из синеватого пламени костра шёл не дым, а комковатый эфир, из которого и получался громадный червяк.

Будь я этнографом, собирателем фольклора или магом, любителем народной магии, то встал бы в сторонке, стараясь не мешать, и записывал каждое движение, слова и ритмы. Но я сюда прилетел по другой причине и собирался отбить им желание плясать и стучать бубнами в сторону моей эфирной дороги.

— Константин Платонович, а может, я их того?

— погоди, не торопись, Дмитрий Иванович. Вдруг тут не все собрались? Мы уедем, а новые опять набегут и снова дорогу испортят. Нет, надо докопаться до корня проблемы. Ну-ка, обойди с той стороны, чтобы наши “друзья” не разбежались.

Я дождался, когда Киж перекроет шаманам путь к отступлению, и вышел на прогалину. Увлечённые своим колдовством, синекожие меня даже не заметили. Всё также кружились около костра и лупили в бубны всё быстрее и быстрее.

Что же, придётся вмешаться в их ритуал, чтобы обратить на себя внимание. Я вытащил из наплечной кобуры small wand, нарисовал перед собой в воздухе Знак Воды и зашвырнул его в костёр.

Бахнуло так, что с окружающих ёлок посыпались шишки, плясунов швырнуло на землю, а хвост “червя” разорвало на бесформенные облачка эфира. Однако, хорошо получилось! Шаманы поднимались на ноги и смотрели на меня выпученными глазами.

— Доброе утро, судари, — я широко улыбнулся. — Кто-нибудь из вас говорит по-русски?

Глава 3 - Ворон

— Адакй улях тугдух! — завопил самый молодой шаман.

Он уронил бубен и кинулся прочь. Вот только далеко убежать не смог — из-за деревьев появился Киж и преградил ему путь.

— А-а-а-а! Агуда улюк!

Резко остановившись, шаман сорвал с себя амулет из жёлтых клыков и выставил перед собой, защищаясь от мертвеца. Киж расхохотался и сделал страшное лицо, заставляя синекожего попятиться.

— Мы тебя не звали, вождь духов. — Мне навстречу вышел один из шаманов с квадратной челюстью и орлиным носом. — Иди обратно в нижний мир, однако.

Резко вскинув бубен, он грохнул в него колотушкой со всей силой. Эфир вздыбился, и по мне ударила волна, словно лапа огромного медведя.

Я никогда не встречал упоминаний такого вида магии. Сначала странный “червь”, портивший эфирную дорогу, а теперь направленный удар чистой силой. И не деланная, и не Талант, а что-то совсем иное. Но у меня нашлось, чем ответить: защитная татуировка на груди вспыхнула, обжигая кожу. И порвала “лапу” на мелкие кусочки, раскидывая вокруг ошмётки эфира.

— Неплохо, — я кивнул шаману, — но слабовато. Вот как надо!

В моей ладони появилась эфирная плетъ. Не просто сплетённая из эфирных нитей, а настоящий магический конструкт. Со встроенными Знаками, Печатью Усиления и даже с зачатками интеллекта. Конечно, по сложности ей не сравниться с Божедомским вертепом, а по убийственности — со Скудельницей. Но я по праву мог гордиться: создавать подобные конструкты — настоящее искусство.

Плетъ свистнула в воздухе и щёлкнула по бубну, выбивая его из рук вместе с колотушкой. А следом отвесила оплеуху мордатому шаману, заставляя клацнуть зубами.

— Ещё? Или поговорим без рукоприкладства?

Шаман скривился, потёр затылок и решил проявить здравомыслие.

— Поговорим, вождь духов. Однако, шибко-шибко дерёшься.

Переговоры высоких сторон прошли в тёплой дружеской атмосфере. Это если выражаться языком высокой дипломатии. В реальности же всё было гораздо прозаичней. Шаманы развели новый костерок, уже без магии, вокруг которого мы и расселись. С одной стороны я с Кижом, с другой пятеро синекожих.

Кроме мордатого русским языком владели ещё двое: хмурый старикан и тот молодой, что пытался убежать. Но последний, похоже, веса в шаманской компании не имел и почти всё время молчал. Впрочем, даже с мордатым и стариканом понимание у нас возникло далеко не сразу.

Во-первых, многих слов они просто не знали и пришлось на пальцах объяснять, что я имею в виду. Во-вторых, мне с трудом удалось донести суть моих претензий. А когда они поняли, что я имею в виду, то страшно возмутились. Какая ещё эфирная дорога?! Ничего не знают, ничего не видели, и, вообще, я не имею права вмешиваться в их ритуалы. А то духи рассердятся и всем будет плохо — так они и заявили.

— Вы мне дурочку не ваяйте, — я начал выходить из себя. — Ваше колдовство было направленное. И делали вы его именно тогда, как эфирная дорога начинала работать.

— Кричать не надо, — покачал головой старикан. — Кричать — духов злить. Потом приходиться ночью, плохо делать, голова сильно болеть!

— По больной голове это Дмитрий Иванович у нас специалист, — я кивнул на Кижю. — У него есть отличное средство, чтобы она не болела: оторвёт — и всё. Нет головы — нет проблем.

Мертвец ослабил и руками показал, как он откручивает лишние части тела.

— Не надо Дмитрия Ивановича, — вскинул ладони старикан. — Мы очень уважать агуда улюк, мы не хотим, чтобы он к нам приходил ночью.

— Тогда перестаньте уходить от ответа! — я нахмурился и обвёл их тяжёлым взглядом. — На кой чёрт вам понадобилось вредить мне? Больше заняться нечем?

Шаманы продолжали упорствовать и отрицать свою причастность. Я даже начал склоняться к мысли, что стоит напустить на них Кижю и решить вопрос силовым методом. Но в этот момент с ёлки спикировала моя мёртвая ворона и уселась мне на плечо. Потёрлась головой об ухо и уставилась на синекожих.

— Кар-р-р-р! — ворона буквально рявкнула на них, вздыбив перья.

Мордатый подавился возгласом и с благоговением выпучил глаза на мою птичку. А остальные шаманы дружно выдохнули:

— Кагах айагис!

— Отец-ворон, — мордатый протянул руки к птахе, — ты пришёл к своему народу из нижнего мира!

Они повалились на землю, дружно кланяясь “предку”. А ворона нахохлилась и разглядывала алеутов, поворачивая голову туда-сюда.

— Кар-р!

Синекожие дружно поднялись и уставились на ворону.

— Кар-р-р-р!

Мордатый шаман лопотал что-то на своём языке, птица ему отвечала карканьем, а остальные слушали с полным вниманием.

Я скосил глаза на ворону, сидящую на плече, и едва подавил желание стряхнуть её с себя. Это уже была не поднятая мной птица! Под перьями пряталась совсем другая сущность — могучая, хитрая и очень старая. Она едва ли могла сравниться с Павшими по мощи, однако была с ними в некоем родстве. Но тьмы, в отличие от бывших божков, в ней не было, как, впрочем, и света.

Да ёшки-матрёшки! Только успел приехать, как какая-то древняя пакость подменила мою птаху! Хоть ори на весь лес: люди добрые, некроманта грабят! Это что за ерунда такая?! Или всё произошло гораздо раньше, а “отец-ворон” хорошо маскировался? Тот же Лукиан прекрасно умеет прятать Талант, когда ему нужно.

На моих пальцах само собой стало сплетаться Копьё Пелея. Ворона, или, вернее, та сущность, что скрывалась в ней, насмешливо посмотрела на меня.

— Кар-р-р-р, — беззлобно буркнула она. — Кар!

— Отец-ворон говорит, — перевёл мордатый, — что благодарен тебе. Ты стал проводником для его заблудившегося духа и позволил вернуться к своим детям. Ему было интересно путешествовать с тобой и жаль расставаться. Но он должен приглядеть за своими потомками, чтобы они не исчезли с лица земли.

Ворона перелетела на плечо старикана, так что тот едва не упал в обморок от счастья.

— Кар-р!

— Он запретил нам трогать твою “дорогу”. Но просит в ответ, чтобы ты дал алеутам жить, как они привыкли.

Я решил не идти на конфликт с “отцом-вороном” и заключил с ним договор. Он был мудр, предвидя грядущие изменения, и не хотел невозможного. Только защитить немного-

численных алеутов, чтобы они не растворились в “пришельцах из-за моря” и сохранили свою культуру.

Достаточно быстро мы договорились о резервации для синекожих — большом куске территории, где их не будут тревожить мои люди. Я с лёгкостью согласился на такой вариант: по сути, получается заповедник с девственной природой, в котором алеуты будут егерями. Всё равно эти северные земли осваивать слишком накладно и дорого.

В ответ алеуты признавали меня своим князем и обязались платить налог мехом и золотым песком. А “отец-ворон” расплачивался месторождениями золота и других металлов — дух прекрасно знал, где они расположены, и покажет их не раздумывая.

— Хорошая сделка, — шепнул мне Киж. — Теперь они станут вашими подданными, а не как сейчас. За такое грех не выпить!

Он достал из-за пазухи фляжку и открутил пробку. Но не успел сделать и глотка, как шаманы почувствовали запах и тут же “сделали стойку”.

— Огненная вода для камлания? — мордатый повёл носом. — Ты тоже шаман?

— В некотором роде, — усмехнулся Киж. — Могу угостить, если хочешь.

Все шаманы дружно вытащили берестяные стаканчики и протянули мертвецу.

— Налей и мне, что ли, — я усмехнулся. — Отметим заключение договора.

Мы выпили по одной, потом по второй, третьей... Через некоторое время я обнаружил рядом с собой человека в наряде, украшенном чёрными перьями. Кожа у него была цвета весеннего голубого льда, а нос длинный и острый, будто птичий клюв. Ни шаманы, ни Киж его не замечали, а он улыбался и подставлял стаканчик, чтобы и ему налили рябиновки.

— Тоже решил присоединиться, отец-ворон? — я подмигнул ему.

— А почему нет? — он пожал плечами. — Мне редко выпадает такая возможность.

Мы выпили с ним и молча смотрели на огонь костра.

— Давно ты вселился в мою ворону?

— Честно? Не знаю, — он вздохнул. — Я вспомнил, кто я такой, только в том городке со смешным названием. Гомер, кажется.

— Хомер.

— Не суть, — отец-ворон махнул рукой-крылом. — Память и силы вернулись только в нём. Но я помню Злобино и твоего страшного учителя-некроманта. Думаю, я должен благодарить тебя за то, что вытащил мою душу из небытия, когда поднимал птицу.

— Это вышло случайно.

— Случайности неслучайны, друг мой, — он рассмеялся каркающим голосом. — Даже таким духам, как я, не дано знать, к чему приведут наши поступки. Но всё, что мы делаем, ведёт мир по пути предназначения.

— Я не верю в предопределённость и судьбу.

— И не надо! Главное, что она верит в тебя. Давай ещё выпьем.

После очередного глотка рябиновки отец-ворон вдруг предложил:

— А хочешь, я тебе одного аяагиса подарю? — он указал рукой на шаманов.

— Зачем?

— Из-за меня ты птицы лишился. Хочу компенсировать.

— Нет, спасибо.

— Зря, однако, отказываешься. От него, знаешь, сколько пользы? Вот, смотри. — Отец-ворон принялся загибать пальцы с чёрными острыми ногтями. — Может страх на врагов наслать, животных диких может и позвать, и прогнать, наводнение или обвал в горах устроить, реку может на время остановить, плодородие всякое, чтобы дети были. А дождь вызвать ему вообще раз плюнуть! Ещё камлает хорошо...

— Мне-то камлание зачем?

— Так будущее чтобы предсказать.

— И как, сбывается?

— Редко, — хохотнул отец-ворон. — Зато исключительно хорошее предсказывает. Слушаешь и радуешься, однако.

— Тогда точно не надо. Настроение у меня и так нормальное.

— А будет ещё лучше!

— Сказал же, что не надо.

Отец-ворон вздохнул, протянул стаканчик и взглядом указал на флягу с рябиновкой.

В себя я пришёл только на следующее утро. Шаманов, как и вороны, не было видно, а возле костерка сидел Киж и тяжело вздыхал.

— Доброе утро, Дмитрий Иванович.

— Совсем недоброе, Константин Платонович. Всю рябиновку вчера выпили синерожие. Ни капли не осталось!

— Ничего, потерпишь. Я тоже без кофия, знаешь ли. А где вся эта компашка?

— Ещё затемно ушла вместе с вашей вороной.

— Тогда и мы не будем рассиживаться. Нам надо кое-что сделать, прежде чем к нашим возвращаться.

Конечно, обещание не трогать эфирную дорогу алеуты дали. Но кто его знает, что у них в голове щёлкнет, если ворон опять пропадёт. Так что я решил подстраховаться и добавить кое-какую защиту.

За grand wand'ом не пришлось лететь — я старался с ним не расставаться и везде возил с собой в разобранном виде. Всего пять минут на сборку Последнего довода — и мы погрузились в “этажерку”. Я приказал Кижу подняться повыше и окинул взглядом из-под облаков участок эфирной дороги.

— Дмитрий Иванович, заходи с того края и не спеша двигайся вдоль пути.

Киж сделал манёвр и лёг на курс. А я принялся набрасывать grand wand'ом на территорию огромные Знаки. Когда природа “червя” стала понятна, то и прикрыть дорогу оказалось достаточно просто. Само колдовство разрушить я не мог, зато легко поставил ловушку на шаманов. Теперь если синекожие решат пошалить, то получат сильнейший откат и не смогут завершить создание “червя”.

Работу я сделал всего за два часа, и мы отправились к нашим, уже заканчивающим чинить последние опоры эфирной дороги. А потом спокойно отправились в Хомер — путь был свободен, и можно было всей толпой ехать на юг в Ангелогорск. Моим “деланным инженерам” я рассказал про шаманов и объяснил на будущее, как прикрывать эфирную дорогу. А про отца-ворона упоминать не стал: зная любопытство Черницына, легко предсказать, что он отправится к алеутам “исследовать необычное явление”. Но Тане я рассказал всё без утайки — княгиня Алеутская должна быть в курсе моих дел, даже таких странных.

Глава 4 - Дорога на юг

Пока я разбирался с шаманами, в Хомер кораблями доставили содержимое всех пяти составов, прибывших из Злобино. Неделя потребовалась, чтобы снова погрузить этот “княжеский багаж” в поезда, — вагонов не хватило, и пришлось ждать, когда их притащат из Иван-Кулибинска. Впрочем, я не жаловался на задержку. Полно было и местных дел, в которые требовалось вникнуть и вынести решение. Ну и с Таней мы устроили себе несколько пикников, чтобы побыть вдвоём.

— Наконец-то, — ворчала Марья Алексевна, когда всё было готово и мы садились в поезд. — Не могла Катька тебе княжество в местах потеплее выделить? Слишком уж здесь холодно и промозгло.

На мой взгляд, старая княгиня немного лукавила: лето в Хомере было ничуть не прохладнее злобинского. Скорее, ей не нравилась бытовая неустроенность, но это мы исправим уже в Ангельскогорске.

Перед самым отъездом, за пять минут до отправления ко мне в купе примчался дежурный опричник.

— Ваша светлость, там странный человек пришёл, из местных, синий такой. Говорит, что его к вам прислал какой-то отец.

— Отец? А пойдём глянем, что там за человек.

На перроне в окружении опричников ждал давешний мордатый шаман. Обвешанный амулетами ещё больше, чем в прошлую нашу встречу, с огромным баулом за спиной. Он недовольно скривил губы и мрачно уставился на меня, едва я вышел из вагона.

— Здравствуй, вождь духов.

— Здравствуй, коли не шутишь. Зачем пришёл?

Синекожий тяжело вздохнул и буркнул:

— Отец-ворон велел идти сюда, однако. Сказал, ехать с тобой надо, помогать надо.

— Я ему говорил, что шаманы мне не требуются. Возвращайся и...

Шаман надулся и с обидой в голосе сказал:

— Вождь, шибко-шибко торопиться не надо! Нельзя обратно идти. Отец-ворон своего слова не меняет, однако. Если ты меня в свою волшебную повозку не возьмёшь, пешком идти придётся. Как помогать буду, если сильно-сильно устану?

— И что, так и будешь за мной ходить?

Снова вздохнув, он развёл руками.

— Нельзя с отцом-вороном спорить. А то духи ночью приходить будут, из темноты пугать, плохое на ухо рассказывать, бубен портить, на голову плевать. Кому такой шаман нужен?

Помощь шамана мне не нужна была ни в каком виде. Но вот изучить его магию было бы интересно — работать с разрежённым эфиром обычные маги не умели.

— Как тебя зовут?

— Смеющийся Медведь, — шаман оскалился, изображая улыбку.

Я сделал знак опричнику:

— Выделите ему место и присматривайте. Чтобы никакого колдовства и камлания во время пути.

— Благодарю, вождь! — шаман приложил руку к груди.

— Иди уже, работник бубна. Потом разберёмся, к какому делу тебя пристроить.

Как и говорил Черницын, до Иван-Кулибинска по эфирной дороге было три с половиной тысячи вёрст в обход Скалистых гор. И на всём пути были разбросаны небольшие остроги: человек десять опричников и купец Русской Американской компании, торгующий с аборигенами. Одновременно и торговая фактория, и станция эфирной дороги, и пограничный пост.

Я не пожалел времени и приказал делать остановки у каждой такой фактории. Во-первых, чтобы поднять дух моих людей, сидящих в этой глуши. А во-вторых, чтобы лично узнать обстановку на местах и встретиться при случае с местными вождями.

К последним у меня был особый интерес: для войны с Испанией было бы неплохо набрать полк индейцев. Воевать они любят, а под руководством толкового командира могут натворить немало дел.

Индейцы, к сожалению, не торопились идти на контакт. Торговля торговлей, но русских они продолжали считать чужаками и относились с настороженностью. Так бы идея и зависла в воздухе, если бы не Смеющийся Медведь.

— Духи говорят, — подошёл он ко мне во время остановки у очередного острога, — тебе нужны воины, князь. Шибко-шибко воевать будешь?

Мои опричники в первые же дни переучили шамана называть меня вождём. Но обращение на “вы” он не понимал в принципе, а имя-отчество выговаривал с таким акцентом, что его попросили оставить простое “князь”.

— Скорее всего, придётся.

— Неправильно делаешь, однако, — алеут покачал головой. — Вожди воинов не отпустят, чтобы другие не напали. С шаманами говорить надо! Они между собой договорятся, кто сколько даст, и равновесие не нарушится.

— Шаманы, говоришь? — я хмыкнул. — Может, ты с ними и побеседуешь, раз уж взялся помогать.

— Могу и я. Только пусть он со мной пойдёт, — Смеющийся Медведь указал на Киж. — И возьмёт рябиновую воду для камланий. Шаманы без неё говорить не будут.

— Дмитрий Иванович, слышал? Не желаешь прогуляться?

Киж кивнул и недовольно насупился. Интерес алеута к рябиновке и необходимость делиться ему крайне не понравились. Но он наступил на горло собственной песне, выделил из запаса несколько бутылок и убыл на “камлание”.

Вернулись мертвец с шаманом через два дня, несколько помятые и взъерошенные. Но поставленную задачу они выполнили.

— Молодёжи у них сейчас много, — доложил Киж. — Ещё год-другой — и пошли бы мелкие войнушки между племенами. А шаманы не любят изменения и рады сплавить нам самых буйных. Пообещали, что с вождями уладят, к осени соберут “бойцов” в кучу и приведут в наши остроги.

— Отлично!

— Только мы им пообещали кое-что. Что каждому выделяют долю в трофеях. А в конце службы наградят стальным ножом, ружьём, котелком, большим отрезом ткани и четырьмя одеялами.

— Почему четырьмя?

— Они пять просили, — Киж хохотнул. — Но я из принципа торговаться начал.

— Экономный ты наш, — я покачал головой. — Ладно, четыре так четыре. Всё, иди отдыхай до самого Иван-Кулибинска.

Иван-Кулибинск, Сиэтл, остроги Розовый и Тайный — в каждом из них мы останавливались как минимум на день. Я проводил краткую инспекцию, делал пометки на будущее

и составлял список открытых вопросов. В общем-то, дела шли неплохо, а местами просто отлично. Но княжеству не хватало видения перспективы и общего плана развития. Нужны были школы, больницы, водопровод, канализация, банки и верфи. Да у меня огромный список образовался, что требовалось организовать и построить!

Но кое-чего было в избытке, и оно компенсировало все недостатки. Везде, где я успел побывать, чувствовался особый дух взаимопомощи и веры в собственные силы. Мои люди стали первопроходцами, приехавшими на дикие земли, и вынуждены были объединяться. Поначалу из-за нужды, а затем это стало привычкой и традицией. Ко всему прочему, здесь практически не было дворян, и общество не расслаивалось так явно, как в Большой России.

В самом крупном поселении Орегонщины, остроге Розовом, на вокзале меня встретил тёзка, Костя Еропкин. Вернее, Константин Осипович, глава американского рода Еропкиных и комендант острога Розового.

— Константин Платонович, — искренне улыбаясь, он поклонился, едва я вышел из вагона. — Добро пожаловать на Орегонщину, житницу Алеутского княжества.

Я не стал чваниться и по-дружески обнял его. Ёшки-матрёшки, кажется, ещё вчера я вытаскивал молодого парня из особняка с псоголовыми, а теперь передо мной суровый, битый жизнью мужчина.

Первым делом он показал острог, разросшийся в настоящий городок. Ровные, как по линейке, улицы, аккуратные домики, деревянная набережная и пристань для рыбачьих лодок.

— С индейцами поначалу имелись сложности, — рассказывал Еропкин. — Они не слишком были рады видеть нас на землях, которые считали своими. Семён Иванович был занят на юге и поручил Орегонщину мне. Хочешь не хочешь, а пришлось выкручиваться.

Потребовалась пара секунд, чтобы сообразить, что Семён Иванович — это Камбов. Что же, он поступил правильно, задействовав Еропкина и его опричников. Результат мне понравился: и городок выглядел отлично, и с индейцами он разобрался. А судя по тому, сколько их было в Розовом, конфликт разрешился достаточно мирно.

— Обошлось без войны? — уточнил я.

— Во второй год немного постреляли, — Еропкин развёл руками. — Несколько племён решили выгнать нас силой. Мы почти два месяца сидели в остроге безвылазно, отбивая нападения. Потом удалось привести корабль с механическими лошадьми, и уже мы их немного погоняли. Но без фанатизма, стоянки с женщинами и детьми не трогали. А затем Семён Иванович дал нам на месяц “Святогор”.

— Полагаю, он произвёл неизгладимый эффект?

— Не то слово! Племена, которые особенно усердствовали против нас, снялись и ушли на восток за Скалистые горы. Все их земли я обратил в пользу княжества. С остальными получилось заключить мир, а чуть позже и союз.

— Вы прирождённый дипломат, Константин Осипович.

— Господь с вами, Константин Платонович! Моей заслуги немного. Я всего лишь вытащил на переговоры как можно больше орков. Даже специально просил приехать вашего опричника Хухая. Он вам не рассказывал? Индейцы же считают орков родней из-за цвета кожи. Их шаманы заявили, что орки — это потерянные племена, ушедшие за море и теперь вернувшиеся на родину. Вот и замирились по-родственному, простив взаимные обиды. А с союзом всё вышло случайно, исключительно из-за моего головотяпства. Даже удивительно, как обернулось.

— Рассказывайте, мне хочется услышать эту историю.

Как оказалось, для союза с индейцами Еропкину пришлось потеряться. Он отстал от своих опричников, заблудился, а под конец упал с коня и сломал ногу. В таком незавидном положении его и нашли недавние враги.

Очнулся Еропкин в “типи”, помеси палатки и шалаша, вождя племени кайюсы. Обращались с ним учтиво и обещали доставить к своим, когда он поправится. Ухаживала за раненым весёлая девица весьма свободных нравов. Как оказалось позднее, это была единственная дочь вождя, на которой он и предложил жениться своему гостю.

— Я согласился, — Еропкин улыбнулся. — Всё остальное по заключению союза сделал мой тесть, давно мечтавший о лучшем будущем для своих людей. И знаете, Константин Платонович, я ни разу не пожалел о своём решении. Быстрая Стрела оказалась самой чудесной женой, какая может быть, и родила мне пятерых наследников. С ужасом вспоминаю, что мог не поехать в Америку и не встретить её.

С его женой, принявшей в православии имя Марии Фёдоровны, мы с Таней тоже познакомились. Действительно, красивая женщина, с гордым профилем и мелодичным голосом. Вождь знал, что делал, — у Еропкина не было ни единого шанса остаться холостым.

Наблюдая за Таней и женой Еропкина, я сделал неожиданное открытие. Шаманы заблуждались, принимая пришельцев за “потерянные племена”! Орки с индейцами если и родственники, то очень-очень дальние. Руки сотрёшь, пока докопаешься до степени родства. Хотя цвет кожи и у тех и у других зелёный, но оттенки совершенно разные. Типажи лиц непохожи абсолютно, как и пропорции тела. “Эфирные тени” так и вовсе различаются, как день и ночь.

А через минуту я подумал, что шаманы, может, и не ошибались вовсе. Скорее всего, они специально обманули соплеменников, чтобы прекратить войну и наладить отношения между народами. В таком случае шаманы, как и вождь, тесть Еропкина, гораздо хитрее, чем можно предположить. Они увидели силу пришельцев, оценили перспективы и пошли на сознательную интеграцию. И ещё неизвестно, кто кого ассимилирует в конце концов. Вполне может быть, что лет через двести жители Алеутского княжества будут называть себя русскими, а в документах записываться как Иван Бегущий Медведь или Марья Синяя Птица.

От мыслей меня отвлекли крики. В саду младшие Бобровы носились с отпрысками Еропкина. Я прислушался и едва не засмеялся в голос. Дети играли в “индейцы против масонов” и все как один хотели быть благородными индейцами, а не зловредными гадами.

Глава 5 - Гасиенда

Раскинувшийся между горами и океаном Ангельскогорск сразу занял место в моём сердце. Улицы с пальмами, домики из красного кирпича, солёный запах волн и белые вершины на горизонте. Я ни минуты не сомневался, решив сделать город столицей княжества. И Таня поддержала моё решение — из тех мест, что мы видели, здесь ей понравилось больше всего.

На вокзале наш поезд встречала огромная цветастая толпа. Крестьяне, клерки Русской Американской компании, индейцы, переселившиеся в город, опричники и “деланные инженеры”. Но в первых рядах стояли мои самые доверенные люди: Семён Камбов и Иван Кулибин. Один с недельной щетиной, одетый по-походному, в широкополой шляпе и с “громобоями” на поясе. Второй с окладистой бородой, в длиннополом кафтане и высоких сапогах. Десяток лет в Новом Свете заметно потрепал обоих, но скорее закалил, а не погнул. Чёрного песка и у одного и у другого заметно поубавилось, и я, не задумываясь, пополнил им запас. В конце концов, я зарабатывал его, чтобы тратить, а не чахнуть над ним, как кощей над золотом.

— Константин Платонович!

— Ваша светлость!

Они разом кинулись ко мне.

— Добрый день, судари! Рад видеть вас в здравии.

Толпу за их спинами сдерживали опричники, однако с гомоном и криками людей они ничего не могли поделать, и я едва слышал, что мне говорят.

— Константин Платонович, мы приготовили для вас особняк рядом с городом, — пытался перекрычать шум Камбов. — Если не возражаете, то лучше поехать туда.

Я кивнул, взял Таню под руку, и мы двинулись за главой опричников. Следом за нами потянулись и остальные мои домашние. Бобров помогал Марье Алексевне, Агнес вела за руки детей, а следом и все остальные, включая Смеющегося Медведя. В последние дни пути я разговаривал шамана, и он показал мне, как работает с эфиром. Техника оказалась весьма интересной, но я пока не разобрался с её основами. Так что пусть будет рядом на тот случай, если у меня найдётся свободное время.

— Константин Платонович, скажите, — Кулибин не отставал от меня, — вы, случаем, не привезли станки? Простите, что я не в слишком подходящий момент, но у нас страшная нехватка инструмента. А Семён Иванович требует от меня ремонта броненосцев и постройки новых. Если бы у нас был...

В этом был весь Кулибин — для него дело стояло выше любых политесов. Но именно эта черта и нравилась мне в нём больше всего.

— Иван Петрович, совершенно случайно я вывез из Злобино почти всё оборудование мастерских.

— И вы молчите?! — Кулибин схватил меня за рукав. — Где они?

— В составах, которые должны прибыть следом за моим поездом.

Он на ходу обернулся и едва ли не подпрыгнул, пытаясь увидеть приближающиеся локомотивы. И кажется, ему это удалось.

— Простите, Константин Платонович, я вас покину, чтобы немедленно начать разгрузку. Всё равно вам сейчас будет не до меня.

Пришёл мой черёд ловить его за локоть, чтобы он не сбежал раньше времени.

— Иван Петрович, у вас есть цеха, где разместить оборудование?

— Конечно! — проговорил он нетерпеливо. — Мы давно планировали расширение.

— Тогда занимайтесь спокойно, я приеду к вам, чтобы увидеть всё самому.

Кулибин кивнул и тут же прошмыгнул между опричниками, торопясь к своим любимым станкам.

Весь Ангельскогорск помещался между двух рек: Ангельской и Архангела Гавриила. Думаю, лет через сто город далеко выплеснется за их пределы и раскинется до самых гор. Но сейчас ему хватало места, а земли вокруг были отданы под поля и пастбища.

Процессией из десятка открытых экипажей мы проехали по мосту над Ангельской и направились на запад. Камбов, ехавший со мной и Таней, не спешил переходить к серьёзным делам и рассказывал про город и особняк, построенный для нас.

— Видите впереди холмы? Это полуостров Зелёный, на испанских картах он называется Палос Вердес. Очень живописное место, постоянно что-то цветёт, птицы красивые. Я подумал, что вам должно там понравиться, и весь полуостров отвёл под вашу гасиенду.

— Подо что, прости?

— Э... гасиенду, то есть усадьбу. Прошу прощения, последнее время приходится слишком много общаться с испанцами, вот и нахватался от них.

— А мне нравится, — Таня улыбнулась. — Очень хорошо звучит.

— Значит, пусть будет гасиендой. И насколько большой этот полуостров?

— Где-то восемь на пять вёрст. Особняк стоит со стороны города, чтобы удобнее было добираться.

— Семён Иванович, а скажи мне, когда вы успели его построить?

— Начали года четыре назад, а закончили этой весной.

— Разве тебе не сообщили, что я пропал?

Камбов пожал плечами.

— Не такой вы человек, Константин Платонович, чтобы не вернуться. А у меня была задача подготовиться к вашему приезду, и я её выполнял.

Вот, что называется, верный человек! Не зря тогда я поверил в него и взял на службу. Надо будет подобрать ему достойную награду за всё, что он сделал.

— Надеюсь, вам понравится дом, — как ни в чём не бывало продолжал опричник. — Архитекторов у нас не нашлось, так что пришлось обращаться к испанцам, и получилось совсем не как в Злобино. Если дом не подойдёт под ваш вкус, можно перестроить...

— Думаю, нам понравится, — покачала головой Таня. — Испанцы хоть и наши враги, но знают, какие дома строить для такой погоды.

Таня не ошиблась — гасиенда получилась чудесная. Снаружи она напоминала небольшой замок: толстые стены из жёлтого песчаника с узкими бойницами, башенки для стрелков по углам, толстенные деревянные ворота, окованные железными полосами. Именно так и должен выглядеть дом-крепость в диких землях.

За воротами в окружении деревьев стоял особняк-сказка. Белоснежные стены, красная черепичная крыша, плющ, взбирающийся до окон второго этажа. А в его центре прятался тенистый внутренний дворик с пальмами, фонтаном и открытой галереей по кругу.

С нашим прибытием дом будто ожил, наполняясь звуками шагов, шорохами и голосами. Ну и криками младших Бобровых, исследующих неизведанную территорию вместе с Мурзилкой. Эта троица тыгыдыкала не хуже орды татаро-монголов, появляясь то тут, то там и тут же уносясь дальше.

— Миленько, — вынесла вердикт Марья Алексевна, осмотрев дом. — На первое время сгодится. Надо будет в городе построить тебе княжеский дворец, как положено, а здесь будет дача для отдыха.

Я кивнул, соглашаясь для вида, но никакого дворца строить не собирался. Канцелярия, да, потребуется — для управления княжеством нужна некоторая бюрократия. А потом, скорее

всего, и министерства появятся. Но отвлекать ресурсы на излишнюю пышность и роскошь в ближайшем будущем непозволительно.

— Где моя арфа?! — старая княгиня внезапно всполошилась и принялась перетряхивать доставляемый багаж. — В первую ночь в новом доме я обязательно должна играть на арфе! Я соблюдаю этот ритуал последние сорок лет и не намерена его прерывать даже в Америке. Таня, ты смотрела в том ящике? Костя, спроси своих опричников, они точно всё привезли? Нет, это невообразимо! Только приехали, а уже успели потерять самое ценное!

В глазах Камбова мелькнул страх. Доблестный опричник, однажды видевший Марью Алексевну в гневе с активированным Талантом, откровенно побаивался княгиню. Я сделал ему знак, что он может уйти, и принял удар на себя, включившись в поиски арфы. На что только не пойдёшь ради близкого человека! Она столько для меня сделала, что я и найду её музыкальное орудие пыток, и потерплю ночью, когда она будет музицировать.

— А если её разбили?! — Марья Алексевна застыла в ужасе от пришедшей в голову догадки. — Разбили и выкинули, чтобы скрыть следы! Как же я буду без моей прелести? Нужно будет заказывать в Петербурге, а пока её сделают, пока привезут...

— Успокойтесь, Марья Алексевна. Уверен, что с ней всё в порядке и мы её сейчас найдём.

— Нет, наверняка с ней случилось что-то ужасное. Ох, мне дурно от одной мысли об этом! Танечка, принеси воды, девочка. Нет, не надо воды. Неси бумагу и перо, я буду писать завешание. Хотя нет, сначала накапай мне ровно четыреста капель моей микстуры от нервов.

Пока Таня успокаивала её, отпаивала водой и капала нужное количество капель, как раз ровно на одну рюмку, я сам устроил ревизию багажа. Неожиданно мне на помощь пришёл Мурзилка вместе с бандой Бобровых.

— Мяу! — кот уселся на один из ящиков и хитро прищурился, глядя на меня.

— Если ты угадал — с меня таз сметаны и пуд свежей печёнки.

Кот насмешливо фыркнул. Он уже проинспектировал кухню вместе с Настасьей Филипповой и сам взял то, что хотел.

— Марья Алексевна, вот она!

Я вытащил из ящика арфу и принёс княгине. Она тут же ревниво забрала инструмент и с нежностью погладила изогнутую деку.

— А где струны? — встрепелась она. — Они были в ящике? Я же помню, что сама их паковала!

Таня прикрыла ладонью рот, чтобы скрыть улыбку, и кивнула мне на выход, показывая, что дальше справится сама. Ну и ладушки, у меня ещё полно дел.

— Семён Иванович... — Я нашёл Камбова во внутреннем дворике, задумчиво рассматривающего фонтан. — Хотел выразить тебе свою признательность. Гасиенда выше всяческих похвал!

Опричник только коротко кивнул, но было видно, что ему приятно услышать слова благодарности.

— Надеюсь, ты не откажешься отобедать с нами? Вот и отлично. А после обсудим наши дела.

В столовой все уже собрались, но первым, на что упал мой взгляд, стала картина. Со стены из простенькой рамы загадочно улыбалась молодая итальянка. Тот самый портрет, что Киж прихватил из дворца венецианского дожа.

— Дмитрий Иванович, ты что, её всё это время с собой таскал?

— А как же, — мертвец ухмыльнулся. — Это законный трофей, и дорог мне как память о нашем путешествии. И он отлично здесь смотрится, не находите?

Мы устроились с опричником на внешней галерее второго этажа. Вид на холмы, покрытые лесом, отсюда был потрясающим. Васька принёс кофий, и можно было переходить к обстоятельному разговору.

— Итак, Семён Иванович, на Алеутщине я вник в обстановку, доклад по Орегонщине выслушал, осталась только Калифорщина. Харитон примерно описал мне ситуацию, но хотелось бы узнать последние новости.

Камбов скривился, будто укусил неспелый лимон.

— С отъезда Харитона многое изменилось. Ситуация стала гораздо сложнее, и, боюсь, у нас нет года, чтобы подготовиться к войне с испанцами.

Опричник рассказывал сухо, по-военному, выкладывая факт за фактом и рисуя не слишком оптимистичную картину. Броненосцев в Америку доставили всего четыре — остальные были потеряны вместе с пропавшим в шторм кораблём. Но и с уцелевшими оказалось не всё гладко. Сначала возникли проблемы технического характера, из-за чего пришлось вызвать сюда Кулибина. А за месяц до моего прибытия испанцы умудрились уничтожить половину боевых машин.

— Из Испании прибыли десять грандов с боевыми Талантами. Подловили сначала один броненосец из засады, а затем и второй. Экипажи слегка обгорели, но выжили, а вот машины пришли в полную негодность.

— Подожди, Семён. На них должны стоять щиты, работающие от накопителя.

— Стояли, — Камбов поморщился. — Как говорит Иван Петрович, они не успели зарядиться, а гранды перегрузили щит магией.

Плохо, очень плохо. Всего два броненосца в строю, у которых схема самозаряда работает слишком медленно. Предположим, я смогу их зарядить с помощью grand wand'a. Но, подозреваю, щиты тоже надо переделывать, увеличивая ёмкость.

— Я отвёл оставшиеся машины от границы, — продолжал Камбов, — и гранды окончательно обнаглели. Одного из них с отрядом солдат видел недалеко от Свято-Дмитровского острога. Похоже, он проводил рекогносцировку для вторжения. Судя по донесениям, гранды не собираются здесь долго задерживаться и подталкивают губернатора к решительным действиям.

— Сколько у нас есть времени?

— Боюсь, что его почти не осталось. Вчера в Тихуану прибыл пехотный полк, а следом должен прибыть второй. Они готовы начать войну в самое ближайшее время.

Глава 6 - Принц

Ситуация меня крайне не порадовала. Не катастрофа, конечно, но и хорошего мало. Носители сильных Талантов обычно не спешили в колонии, особенно в такие дальние собачьи углы. Чтобы усмирять аборигенов, здесь хватало и обычной пехоты с ружьями, а сферы влияния между колониальными державами делились не на поле боя в какой-нибудь Гваделупе.

Не знаю, какими “плюшками” испанский губернатор заманил сюда грандов из метрополии, но этим шагом он существенно сместил равновесие в свою пользу. Среди моих опричников Таланты встречались редко, да и те слабенькие. А броненосцы в текущем виде оказались не способны противостоять новым противникам.

В принципе, если выиграть хотя бы несколько месяцев, я успею выкатить адекватный ответ. Модернизирую броненосцы, добавлю им поддержку с воздуха, наберу полк индейцев и поставлю на поток производство картечниц. Вот только этого времени-то у меня и нет!

Значит, что? Надо самому включаться в боевые действия и вывести из игры часть грандов. Подловить поодиночке и уконтрапупить, применив все доступные средства. Собственной магией, Кижом и единственной картечницей. Возможно? А почему, собственно, нет?

Мысленно я устроил ревизию подходящих “инструментов” для вразумления испанцев. Grand wand для такой работы не годился. Чистой силой можно было работать против Панина, ни разу не военного, да и то используя фактор неожиданности. Настоящего боевого мага с опытом такими фокусами не возьмёшь. Всё равно что осу дубиной гонять: увернётся, зараза, прикроется щитом и влупит ответку. А ту связку для адского взрыва, каким я накрыл гагаринских опричников, эффективно применять можно только по армиям — одиночную цель поймать будет проблематично. Гранд почувствует напряжение эфира и уйдёт из-под удара.

Эфирная плетёшка тоже не пойдёт. Она хороша на близком расстоянии, например для дуэлей. А гранд, если это не безусый мальчишка, меня просто не подпустит так близко.

Всё сходилось к тому, что мне требуется “инструмент” среднего радиуса действия, способный наносить точные удары чем-то опасным, создавать толстые щиты и позволяющий делать это быстро. И я знаю, что нужно приготовить.

— Семён Иванович, — обратился я к Камбову, терпеливо ожидавшему, пока я размышляю, — собери на завтра отряд опричников, человек десять. Заглянем в мастерские к Кулибину, а затем немного прогуляемся к Свято-Дмитровскому острогу. Хочу посмотреть на грандов и слегка пощупать их за вымя.

Старший опричник сдержанно ухмыльнулся.

— Сделаю, Константин Платонович. Мы давно мечтаем посмотреть, как вы их “пощупаете”.

— Механические лошади на весь отряд есть? Тогда возьми из тех, что доставили поездом. И ещё нам понадобится пролётка — опробуем на испанцах одну интересную новинку.

Отпустив Камбова, я прошёлся по особняку. Моё большое семейство увлечённо делило комнаты и обустраивалось на новом месте. Слуги таскали вещи, близнецы носились туда-сюда, а Мурзилка возлежал на бортике фонтана и лениво бил лапой по струйке воды. В общем, приятная домашняя суэта, ничуть не хуже, чем в Злобино.

Мне тоже было чем заняться в преддверии завтрашней “прогулки”. На втором этаже я выбрал комнату с видом на горы под кабинет. Велел Васке принести кофий и не беспокоить меня в ближайший час.

Тысячу раз права была Марья Алексевна, когда настояла забрать мебель из Злобино. В особняке обстановка имелаась только в столовой и спальнях, а в остальных комнатах было пусто и гуляло звонкое эхо. В мой новый кабинет ещё не успели принести даже стул, и я устроился прямо на полу. Справа поставил поднос с чашкой и кофейником, а перед собой выложил золотую корону из могильника и шкатулку с middle wand'ом.

Прихлёбывая кофе, я проверил состояние короны. Как и ожидалось, внутренний накопитель едва заполнился на одну сотую. Что же, в ближайшие лет пятнадцать я не смогу утопить ещё один Константинополь, но и думать, куда девать излишки силы, не придётся.

Открыв шкатулку, я пару минут просто любовался пятью позолоченными цилиндрами — составными частями «Prince tueur nerveux». Впрочем, Нервный принц-убийца уже не соответствовал своему имени. После прожарки, что я ему устроил, магический жезл перестал проявлять крутой нрав, сопрягался с Анубисом и послушно выполнял все мои команды. Но всё так же не терпел, когда его брали в перчатках, не выносил звучания авалонской речи и обожал убивать. Что же, посмотрим, как он будет работать с потоком эфира от крови Павших.

Очень осторожно, беря детали кончиками пальцев, я собрал middle wand. Скрытые механизмы щёлкнули, соединяя цилиндры в единое целое, и в руке загудел Нервный принц, соскучившийся по работе.

— Не спеши, — я погладил жезл, как котёнка. — Завтра я дам тебе зажечь. А сейчас нужно добавить тебе силы.

Не торопясь, я принялся переключать крохотный поток эфира с короны на Нервного принца. Задача, должен сказать, оказалась не самая простая: будто пытаешься отщипнуть ниточку от тугого каната. Жезл нагрелся от напряжения, обжигая ладони. Но в конце концов сила полилась в него ровным потоком, наполняя внутренний накопитель.

— Ну-с, сударь Принц, что вы на это скажете?

Я вытянул перед собой руку с middle wand'ом. Стоило лишь представить Знак, и его контуры зажглись в воздухе, готовые наполниться силой.

— Отлично! Ты порадовал меня, дружище.

Знак создавался почти так же эффективно, как мы это делали с Анубисом. Эх, где там бродит блудный Талант? Не верю я, что он сгинул в пирамиде.

Нервный принц завибрировал в руке, жадно втягивая эфир из нового источника. Мне даже послышалось басовитое рычание. Мало! Мало! Ещё!

— Э нет, эдак ты обожрёшься и начнёшь плевать эфиром.

Взяв жезл обеими руками, я с усилием провернул его на четверть оборота. Запорный механизм щёлкнул, и middle wand распался на две половинки.

Ух! Теперь у трёх старших wand'ов есть собственный источник эфира. И я полностью готов встретиться с испанскими грандами. Только желательно по одному — пока я не наработал опыт без Таланта, сразу двоих противников одновременно мне не потянуть. Придётся искать случай, чтобы подловить врагов по отдельности.

Говорят, что когда спишь на новом месте, то обязательно должен присниться вещий сон. Но мне шанса проверить эту примету не выпало: я ворочался в постели, смотрел в темноту и никак не мог заснуть. И “наслаждался” доносившимися из внутреннего двора отголосками “музыки”. Марья Алексевна всё-таки исполнила свою угрозу и засела там полуночничать с арфой.

Таня тихо посапывала рядом со мной, ничего не слыша и видя уже третий сон. А я думал то об одном, то о другом, прикидывал план на завтрашний день. Пока меня не одолел голод и не пришла единственная полезная мысль — сходить на кухню и чего-нибудь съесть. Если и

потом не захочется спать, то позову Киж и проверю, как он выполнил “домашнее задание” по деланной магии.

Накинув халат, я вышел во внутреннюю галерею и тут же погрузился в звуки “музыки” старой княгини. Ну, что сказать: с тех пор, как мы познакомились, некоторый прогресс всё-таки появился. По крайней мере, теперь это не похоже на крики кота, которого тянут за хвост. Да и Марья Алексевна стала играть тише, чтобы не мешать окружающим.

Внутренний дворик был передо мной как на ладони. В свете свечей княгиня сидела возле фонтана и самозабвенно дёргала струны инструмента. На кресле рядом с ней развалился Мурзилка и махал кончиком хвоста в такт музыки.

— Тебе нравится? — спросила у него Марья Алексевна. — Я назвала эту композицию “Ночной ноктюрн”.

Кот одобрительно кивнул.

— А теперь послушай вот эту новинку. “Северная стрипсодия”!

Но прежде чем княгиня успела ударить по струнам, во внутреннем дворике раздалось шлёпанье босых ног и из-за колонны появилась Лиза Боброва. С хмурым лицом, в длинной ночной рубашке и с плюшевым медведем под мышкой.

— Лизонька, ты что здесь делаешь? — Марья Алексевна всплеснула руками.

— Уснуть не могу, — мрачно буркнула девочка. — А ты, бабушка Марья, музыку играешь?

Старая княгиня смутилась.

— Так, немножечко.

Девочка подошла к креслу с Мурзилкой, подвинула кота и села рядом.

— Можешь мне колыбельную сыграть? — попросила она.

— А... — Марья Алексевна с сомнением посмотрела на арфу, на свои пальцы и снова на арфу.

— Пожалуйста!

— Я... я попробую, Лизонька.

Княгиня подняла руки и застыла, будто испугавшись знакомого инструмента. Девочка молчала, глядя Мурзилку. Я тоже не шелохнулся, ожидая развязки.

Выждав почти минуту, Марья Алексевна тронула струны. Очень нежно, едва-едва касаясь их пальцами. К моему удивлению, по внутреннему дворику разлилась тихая, чуть печальная мелодия. И вместе с ней покачивался эфирный фон во всём доме — Талант княгини подыгрывал хозяйке, тоже “музицируя” силой. Я никогда не слышал, что такое возможно, но и не верить собственным глазам не мог. Княгиня и Талант “звучали” вместе, создавая нечто необычайное.

Глаза девочки закрылись, она улеглась рядом с котом и заснула. А следом и меня начало неожиданно клонить в сон, да так сильно, что я едва успел дойти до постели. Лёг и мгновенно вырубился, едва коснулся головой подушки. И никаких снов, ни вещей, ни обычных, не видел до самого утра.

Несмотря на вечернюю бессонницу, встал я ещё до рассвета. Спустился в столовую, собираясь сварить себе кофий, но там уже хозяйничала Настасья Филипповна, накрывая завтрак на одну персону.

— Садись, Костенька, сейчас тебе всё принесу.

Ей-богу, будто я никуда и не уезжал из Злобино!

Как по волшебству, передо мной появился кофейник, тарелка с горкой блинов, плошки с начинками для них и вазочки с вареньем.

— Посидите со мной, Настасья Филипповна?

Она не стала отказываться. Присела за стол и разгладила ладонями юбку на коленях. Я налил ей кофия и улыбнулся.

— Как вам наш новый дом?

Ключница отпила глоток и покачала головой.

— Непривычно очень, Костенька. Пальмы эти разлапистые, погода другая, жарко очень. А говорят, что зимой тут и снега не бывает вовсе. — Она обвела столовую взглядом. — Но усадьбу тебе построили хорошую, даже лучше, чем в Злобино. И детям здесь нравится.

— А вам?

— Да что меня спрашивать! Сыта, одета, поспать есть где, и будет с меня. А так хоть дальние страны посмотрела на старости лет, уже радоваться надо. Ой, забыла сказать — там Камбов приехал, говорит, вы сегодня собираетесь в город ехать.

— Есть такое дело. Скажите, чтобы его сюда позвали.

Настасья Филипповна осуждающе на меня посмотрела.

— Вот ещё! А то я не знаю — начнёте о делах разговаривать, только кофий пить будешь и не поешь как следует. Нет уж! Вот позавтракай, тогда и со своим опричником порешаешь.

Я рассмеялся и демонстративно положил себе добавку. Это она точно подметила — есть за мной такой грешок. А день сегодня будет длинный, и нет уверенности, что найдётся время на обед и ужин.

Таню я предупредил ещё с вечера об отъезде. Не собирался её будить, но она всё равно спустилась меня проводить.

— Уверен, что не нужна моя помощь? — спросила она, поцеловав. — Я неплохо отработала всполохи, если ты помнишь.

— Я только посмотрю и оценю уровень грандов. Если там мальчишки, то и сам разгоню их тряпками. Обещаю, на рожон лезть не буду.

Поцеловав её ещё раз, я подхватил толстую сумку с бумагами и вышел из особняка.

— Доброе утро, Константин Платонович!

Камбов и Киж ждали меня с лошадьми и пролёткой, в которую уже загрузили картечницу, завёрнутую в парусину.

— Доброе, судари. — я отдал сумку Кижу. — Все готовы? Тогда отправляемся.

Запрыгнув в седло, я приторочил к нему узкий кожаный чехол с разобранным grand wand'ом и сдвинул на поясе длинную кобуру с Нервным принцем. Ну что, судари гранды, проверим, какова деланная магия против Талантов?

Глава 7 - Ловись рыбка

— Князь! Князь!

Крик настиг меня уже у ворот. Я остановил коня и обернулся. От дальнего флигеля к нам бежал алеутский шаман. Бубен, подвешенный на ремне через плечо, колотил его по бедру, а на синем лице застыло озабоченное выражение.

— Князь! — он тяжело выдохнул, останавливаясь за пару шагов от меня. — Я с тобой ехать, однако.

— Зачем?

— Духи сказали, дело у тебя большое, помогать надо. Кроме меня никто не справится.

— Прямо так и сказали?

Смеющийся Медведь пожал плечами.

— Они словами не умеют, по-другому говорят. А я перевожу, как понимаю, — шаман почесал синий шнобель. — Разбудили, однако. Сказали, ты с плохими людьми встретишься, а я рядом смеяться буду. Духи зря тревожить не будут!

— Ну, если смеяться, — я улыбнулся, — то конечно. Садись и поехали.

Я кивнул на пролётку и пустил коня шагом. Насчёт плохих людей алеутские духи угадали, вот и посмотрим, насколько полезен окажется шаман.

До Ангельскогорска мы добрались быстро и сразу же направились в ремонтные мастерские к Кулибину. На мой вкус, их расположение выбрали неудачно: это сейчас они на окраине, а пройдёт ещё лет десять-двадцать — и здесь будет центр города. Пожалуй, надо сразу запланировать строительство промышленной зоны подальше от жилых домов и с учётом розы ветров. Не хочется, знаете ли, чтобы потом над городом стоял смог.

Кулибин тоже был ранней пташкой и уже занимался установкой станков. Подозреваю, что он и ночевал в мастерских, чтобы не терять время на дорогу. Но я отвлек его от дел, и почти два часа мы обсуждали производственные планы.

Во-первых, я уточнил для себя по материалам.

— Железную руду добывают на острове Наследника Павла. Там же сразу выплавляют сталь, кораблями везут в Орегонщину и поездом уже сюда. Качество чуть похуже, чем было у нас в Злобино, зато стали много. Ну и готовые изделия закаляем с помощью Знаков.

— Хорошо. А что с хрусталём? Живём поставками из Гусь-Мальцевского?

— Зачем же?! Супруги Горобцы лет пять назад свой заводик у нас построили. Очень чистый песок нашли неподалёку и делают даже чище, чем раньше.

Во-вторых, я отложил ремонт покалеченных броненосцев.

— Как же так, Константин Платонович, — встрепенулся Камбов, сидевший в сторонке, — а испанцы? Если пехота пойдёт, с двумя машинами мы не справимся.

— В любом случае они сейчас бесполезны. Придётся заставить наших соседей отложить атаку, и за это время построить новые броненосцы. Нужна усиленная модель, чтобы могла держаться против грандов. Иван Петрович, — я обратился к Кулибину. — Требуется увеличить количество эфирных накопителей в каждой машине и площадки для генераторов щитов. Кроме того, они должны нести два орудия. Картечицу, которую вы изобрели в Злобино, и ещё одно...

Киж подал мне сумку с документами. Я вытащил оттуда чертёж и выложил перед Кулибиным.

— Универсальный магический генератор.

Второе орудие было механическим wand'ом де Гуа, переосмысленным мной. Оно могло создавать парочку атакующих Знаков и защитную связку. У меня было много свободного времени, пока мы добирались сюда из Злобино, и я подготовил огромную кипу документации.

— Как знал, как знал, — Кулибин усмехнулся, открыл ящик стола и вытащил папку с чертежами. — Я уже год как вынашиваю идею нового броненосца. Там и под ваши орудия подходящая башня, и большие накопители поместятся.

Коротко посмотрев его проект, я одобрил машину. Почти в два раза больше старых моделей, с толстой бронёй и мощными ногами. Видимо, по следам случившегося с уничтоженными броненосцами была добавлена и система пожаротушения.

Третьим пунктом совещания стала картечница Кулибина. Когда я её так назвал, изобретатель на секунду задумался и скривился.

— Константин Платонович, не надо её моим именем называть. Это вы тогда идею подкинули, я только собрал. Она должна называться картечницей Урусова.

— Называйте как хотите, — я отмахнулся. — Только доработайте, чтобы не нужно было вращать ворот, и немедленно начинайте производство.

— Сколько штук вы хотите сделать? Десяток?

— Самое меньшее — полсотни в течение полугода.

Кулибин посмотрел в потолок, прикидывая что-то и кивнул.

— Не думаю, что у нас возникнут сложности.

— Тогда двигаемся дальше. На очереди у нас покорение воздушного океана.

Мои слова не стали новостью для Кулибина. Похоже, “деланные инженеры” уже рассказали ему об “этажерке”.

— Первым делом нужен цех для производства лёгких машин воздушной кавалерии, — я протянул Кулибину очередную стопку документации.

— Первым? Будет ещё и второе?

— Обязательно, Иван Петрович, но чуть позже. Сначала картечницы, новые броненосцы и воздушная кавалерия, именно в таком порядке.

— Вы столько задач поставили, Константин Платонович, что разорваться впору. — Кулибин вздохнул. — Но выбора у нас нет, насколько я понимаю.

— Иван Петрович, я не собираюсь вас бросать в одиночестве. Через несколько дней присоединюсь к вам и приму самое деятельное участие. Кроме того, у меня есть кое-что особенное.

Я выложил на стол последнюю стопку бумаг и развернул большую склейку из листов — мой главный козырь.

Знания — сила, как говорили мудрые. Посещение венецианского Арсенала стало для меня откровением. Все богатства дожа и деньги императрицы не могли сравниться с сокровищем, что я нашёл там. Арсенальская Grande linea di assemblaggio стала основой для разработки моего собственного магомеханического конвейера, который должен был во много раз ускорить производство. Нет, я не совершал открытия и прорывы, просто взял лучшее, дополнил всякой мелочью и подогнал под наши нужды. Ну и вишенкой на этом торте стали несколько очень полезных станков, идеи которых я беззастенчиво стащил у венецианцев. Будем считать это справедливой платой за мою помощь в восстановлении работы Арсенала.

Кулибин с сомнением пододвинул к себе склейку и со скептическим выражением на лице принялся читать. Похоже, он подумал, что я ему подсовываю задание на очередное оружие. Но затем его брови полезли вверх, а глаза лихорадочно забегали по листам.

На добрую четверть часа изобретатель застыл над бумажной склейкой, водя пальцем и беззвучно шевеля губами. Он так увлёкся, что мне пришлось его похлопать по плечу, чтобы вывести из ступора.

— Иван Петрович!

— А?! — Кулибин обернулся. — Константин Платонович, это потрясающе! Вы гений! Какая задумка! Какой масштаб! Да мы им всем покажем с такой штукой!

— Конвейером.

— Конвейер? — он покатал слово на языке, пробуя на вкус. — Отличное название, мне нравится.

— Не торопитесь, Иван Петрович. Полагаю, для полноценного внедрения нужно будет переделать всё производство. Но можно использовать какие-то части для ускорения работы. Подумайте, те же цеховые краны можно соорудить прямо сейчас.

— Да, надо прикинуть и посчитать. Если позволите, я возьму паузу до завтра.

— Не нужно спешить. У вас есть неделя, чтобы всё хорошенько обдумать.

Я оставил Кулибина разбираться с чертежами конвейера, а сам пошёл в цеха мастерских и нашёл Черницына. С помощью его и пары мастеровых мы немного изуродовали пролётку. Намертво закрепили на её корме станок картечницы и, что называется, “присобачили” вместо ворота конструкцию из шестерней с кучей Знаков. Получилось некрасиво, зато гораздо удобнее: вместо того, чтобы крутить здоровенную ручку, нужно было всего лишь дёрнуть маленький рычажок. Теперь с орудием можно было справиться в одиночку и спокойно вести огонь, ни на что не отвлекаясь.

— Знакомая конструкция, Константин Платонович, — усмехнулся Киж. — Только в прошлый раз вы ставили на дрожки наших “близнят”. Как вы её называли? Тачанка?

— Угу, — я кивнул, — было дело. Но в этот раз будет гораздо лучше.

Закончив монтаж, мы выкатили пролётку на пустырь за мастерскими и испытали её в деле. Пожалуй, вышло даже лучше, чем я ожидал. И темп стрельбы подобрали достаточно удачный, и стрелку было удобно целиться. А вот ехать ему придётся очень аккуратно, чтобы не разбить голову о торчащие ручки картечницы.

— Моя пробовать, — неожиданно заявил шаман и полез в пролётку, отодвигая Киж.

Мертвец в первый момент так обалдел от наглости, что выпустил рукоятки и позволил синекожему занять место стрелка. А тот прицелился и двумя короткими очередями срезал несколько молодых деревьев на другом конце пустыря.

— Хорошее ружьё, — заявил Смеющийся Медведь и похлопал картечницу ладонью. — Много плохих людей можно в Нижний мир отправить.

— Где ты так стрелять научился?

— Шаман тоже охотник, однако, — он рассмеялся. — Плохо стреляешь — голодный будешь. А я кушать шибко-шибко люблю.

Мы с Кижом переглянулись.

— Дмитрий Иванович, тогда ты командуешь и правишь, а он стреляет. А теперь поехали, пока все испанцы не разбежались.

Свято-Дмитровский острог оказался самой настоящей крепостью, построенной по всем канонам фортификационного искусства. Глубокий ров с эскарпом, толстые каменные стены с нанесёнными защитными Знаками, бастионы с пушками. Вот только размер подкачал — внутри укреплений могла разместиться едва ли сотня опричников. Впрочем, строительство даже такой крепости было настоящим подвигом со стороны Камбова.

К тому же расположение острога было крайне удачным. Во-первых, он запирал единственный удобный проход к Ангельскогорску между горами и морем для большой армии. Во-вторых, рядом находилась бухта, где уже появился небольшой порт. Даже в случае осады, можно будет поддержать гарнизон огнём с кораблей и доставить припасы.

Комендант острога Сидор Петрович Подъямпольский безмерно обрадовался моему приезду.

— Совсем испанец распоясался, ваша светлость. Который день переходят речку Тихуанку, наши дозоры обстреливают и от границы отгоняют. Уж два раза их маг возле острога кружил, будто коршун какой.

Похоже, среди испанцев имеется толковый военачальник. Он создал грамотное давление на острог, лишив его глаз и ушей на границе и заставляя гарнизон находиться в напряжении. Долго высокую бдительность держать не получится, испанцы подождут, пока мои люди привыкнут к новой обстановке, расслабятся, и тогда неожиданно атакуют. Вот только они не учли, что приеду я.

— Сидор Петрович, какое самое высокое место в остроге?

— Ммм... — комендант на секунду задумался. — Крыша арсенала, ваша светлость.

— Проводите меня туда. И не беспокойте, пока я сам не спущусь.

Крыша арсенала была плоской и окружена толстой стенкой-бруствером. Видимо, неизвестный архитектор предполагал, что отсюда опричники смогут отстреливаться, если враги ворвутся в острог. Но я собирался не допустить этого в принципе, и крыша нужна была как раз для этих целей. Я уселся в центре крыши, поджав под себя ноги, закрыл глаза и потянулся к внутреннему запасу эфирной “пряжи”.

Не хочу хвастаться, но “ловчая сеть” у меня всегда получалась идеально. В этот раз я и вовсе задумал небывалое: требовалось дотянуться до границы с испанцами, а может, и ещё дальше. Судя по картам, это вёрст двадцать пять, не меньше. Так что придётся напрячься и выложиться по полной.

Подробности мне не требовались, только ощутить местоположение масс людей и Талантов. А значит, можно плести ячейки “сети” очень крупными, скажем, размером с сажень. Нашу-пашу цели удастся только во время движения, но мне этого будет достаточно. Поехали!

На исходе третьего часа я был мокрый от пота, пальцы дрожали от напряжения, но “сеть” всё-таки дотянулась до Тихуаны. Вот он, лагерь испанского полка рядом с городом. Обычная пехота, никаких магов не наблюдается. Вот обычные жители Тихуаны, еле видимые с такого расстояния. А вот, видимо в гостинице, расположились девять Талантов. Ярких, обжигающих и опасных — гранды Испании во всей красе. Так-с, а где ещё один? Уехал или болтается на нашей стороне?

Солнце коснулось горизонта над океаном, когда я нашёл десятого гранда. Дрогнула эфирная паутинка, задетая колдуном, донося сигнал тревоги. Попался, красавец! В пяти верстах от острога устроился с двумя десятками вояк на ночёвку. Что же ты, самонадеянный голубок, не вернулся в город? Решил сэкономить время на поездке? Зря, очень зря. Завтра возвращаться будет уже некому.

Глава 8 - Минус один

“Ловчую сеть” я распускать не стал, а закрепил на крыше эфирным якорем. Мне ещё и остальных грандов ловить, а запас “пряжи” не резиновый.

— Едем, — скомандовал я, спустившись с крыши арсенала. — Посмотрим на испанцев вблизи.

Десяток конных опричников с Камбовым и Киж с шаманом на пролётке сейчас выступали лишь моей свитой. Бросать их в бой, как бы кое-кому ни хотелось, я не собирался. Гранда я должен был “пощупать” самостоятельно, чтобы оценить и его уровень, и свои возможности.

Мы выехали из острога и неспешно двинулись на восток. Местность здесь отлично подходила для игры в прятки — натуральный лабиринт оврагов и невысоких холмов, покрытых редким лесом и кустарником. Покачиваясь в седле, я развернул новую “ловчую сеть”, направив её в сторону отряда испанцев. Ну-с, судари мои, где вы там прячетесь?

На этот раз сканировать огромную площадь не требовалось и можно было сделать ячейки “сети” погуще, чтобы рассмотреть цель подробнее. Отряд испанцев, пятнадцать человек, расположился в небольшой ложбине возле родника. Они устроились под раскидистыми деревьями, разожгли костёр и что-то варили в походном котле. Судя по всему, они останавливались здесь не первый раз и чувствовали себя как дома. Даже дозорный не сильно напрягался, сидя под акацией и раскуривая трубку. Что же, придётся им напомнить, кто здесь хозяин и что делают с незваными гостями в таких случаях.

Так-так, а вот и испанский маг! Он оказался вовсе не изнеженным аристократом, а потрёпанным мужчиной средних лет с перебитым носом. Шпага на его поясе была боевым клинком без украшений, а рядом висела парочка “громобоев”. Талант у колдуна был хоть и развитой, но по силе весьма посредственный. Впрочем, вояка, похоже, опытный, и так просто его не взять.

— Стоп, — я поднял руку. — Они уже близко. Судари, обсудим план операции.

Спешившись, я поднял ветку, обломил сучки и нарисовал на земле упрощённый план местности.

— Дмитрий Иванович, поставь тачанку вот здесь, перекрыв овраг. Ваша с Медведем задача — не выпустить ни одного испанца.

Киж кивнул, слегка недовольный такой миссией. Увы, ему сегодня порубиться врукопашную не светит.

— Семён Иванович, — я обратился к Камбову, — бери людей и занимай позицию на этом холмике. Стрелять начнёте, когда я нанесу первый удар. Гранда не трогайте, только простых вояк.

— А вы, Константин Платонович?

— Зайду отсюда, — я ткнул палочкой на импровизированной карте, и три наши позиции образовали равносторонний треугольник.

— Вам нужно прикрытие, — Камбов прищурился. — Я дам вам...

— Не нужно. Мне будет некогда защищать их от магии, а там будет жарко.

Старший опричник хотел возразить, но я оборвал его.

— Не обсуждается, Семён Иванович. Поверь, я сумею о себе позаботиться. Всё, выдвигаемся на позиции, времени до темноты не так много осталось.

В сумерках испанцы были отлично видны на фоне горящего костра. Они не опасались, что их обнаружат, и даже караульный покинул свой пост, вернувшись к остальным. Знают,

заразы, что в остроге мало людей и комендант больше не рискует посылать дозоры. Но сейчас мы им покажем, что бдительность никогда не лишняя.

“Ловчая сеть” подсказала, что все на своих местах, и я вытащил из чехла две половинки Нервного принца. Соединил их, подождал, пока middle wand выйдет на режим, и вытянул руку. Итак, судари испанцы, чем бы вас угостить? Пожалуй, подойдёт что-то огненное, чтобы вас было лучше видно моим опричникам.

Едва я представил связку из Знаков Огня и Концентрации, она начала формироваться на конце жезла. Нет, маловато! Больше, Принц, ещё больше! Связка выросла до размера колеса, а затем стала с меня ростом. Отлично! Теперь добавим эфира, чтобы тепла хватило на всех, и развернём её параллельно земле.

Нити “ловчей сети” дрогнули. Гранд почувствовал движение эфира и встал, осматривая склоны ложбины. Но было уже поздно. Я размахнулся и швырнул связку на лагерь испанцев.

Гранд вскинул руки, будто пытаясь поймать деланную фигуру. Но в следующий момент она уже рухнула на землю, и разверзся маленький филиал ада.

Бада-бум!

Жидкий огонь выплеснулся во все стороны, словно молоко из разбитого кувшина. Пламя затопило ложбину, скрыв и людей, и лошадей, и стволы деревьев. Следом вспыхнули кроны, а горящие листья сорвались с ветвей, будто тысячи светлячков, и полетели вверх. За гулом огня не было слышно ни криков, ни выстрелов. Но я ощущал оставшимися огрызками чутья некроманта, как там, внизу, одна за другой души уходят за грань. Одна, другая, третья... Но Талант всё ещё был там, не поддаваясь пламени.

Пух!

Действие Знаков закончилось так же внезапно, как и началось. Огонь опал, оставляя на земле горящие холмики и обугленные деревья. И только посреди выжженного пятна стоял гранд, закрывшись щитом и разогнав Талант до предела. Неплохо, очень даже неплохо. Но недостаточно!

Нервный принц вздрогнул и швырнул Знак Силы. А следом — целую пригоршню мелких Знаков Огня. И не дожидаясь, когда гранд ответит на мой удар, я переместился в сторону.

Фу-у-ух!

В то место, где я только что стоял, ударили очередью три всполоха. Трава и кусты загорелись, но меня и близко уже не было.

Фух! Фух! Фух!

Гранд, не останавливаясь, обстреливал всполохами вершину холма. Ну, что сказать, техника у него на высоте, бьёт точно, движения скупые, ничего лишнего. После каждого выстрела смещается, чтобы сбить прицел, щит держит ровно, непрерывно подпитывая. Сразу видно — крепкий профессионал, собаку съевший на таких дуэлях. А теперь посмотрим, как ему понравятся сложные связки.

Выбрав позицию, я вскинул Нервного принца и выдал серию Знаков. Три ударных, силовой, Нигредо и снова парочка ударных. И тут же я прыгнул в сторону, скрываясь за камнем.

Внизу грохнуло, когда по щиту гранда ударили первые Знаки. А затем раздался визг, будто циркулярная пила врезалась в полено, разрезая его на две половинки — это Знак Нигредо вцепился в щит, пожирая эфирные структуры. Давно хотел попробовать его в деле на защите Таланта, только удобного случая не представлялось.

Бух!

А вот и остальные Знаки долетели в цель. Я опять сместился и выглянул из-за веток, готовя очередную связку.

Незаконченные Знаки развеялись, и Нервный принц недовольно загудел. Но время битвы закончилось, и я снова разделил его на две половинки. Ну извини, дружок, больше здесь некого обстреливать.

— Что делать с телами, Константин Платонович?

Камбов бросил короткий взгляд на изломанные останки гранда и тут же отвернулся.

— Утром отправь сюда людей. Пусть похоронят на кладбище возле острога, как полагается.

Опричники, так и не сделавшие ни одного выстрела, были в приподнятом настроении. И лишь Киж выглядел недовольным, но на его “козы морды” от недостаточного смертоубийства я привык не обращать внимания.

— Возвращаемся, — приказал я, — только без спешки, а то в темноте ноги лошадям переломаем.

На обратной дороге я молчал, обдумывая итоги боя. Неожиданная удача с Нигредо меня порадовала. Так-то Знак применяют, чтобы подчищать несложную деланную магию, но оказалось, что щиты Талантов он тоже прожигает. Не уверен, что сработает с Талантом помощнее, но и так неплохо. Что же, для сильных поищем другой ключик из деланной магии, там ещё много всего интересного. А что остальные Таланты будут мощнее, чем только что упокоенный, я не сомневался. Наверняка в разведывательный рейд отправили кого попроще. Да и “ловчая сеть” показала в Тихуане огоньки несколько ярче.

Наше возвращение в острог вызвало необычайный восторг у гарнизона. Они заметили зарево в холмах и слышали далёкие хлопки, а когда увидели нас у ворот, то не осталось сомнений — кто кого. Устав от постоянных проигрышей испанцам, они необыкновенно воодушевились от неожиданной победы. Я поддержал порыв людей и, не слезая с коня, толкнул короткую речь. Мол, я с вами, дети мои, победа будет за нами, а в Тихуане мы устроим пикник с испанским вином и их барышнями. В ответ опричники заорали так, что у меня в ушах зазвенело. Очень хорошо — моральный дух в остроге требовалось поднять не меньше, чем дать по носу испанцам.

На следующее утро я опять забрался на крышу арсенала и подключился к “Ловчей сети”. Конструкт, на удивление, был всё ещё целым, но порядочно разрядился. На это я и рассчитывал — влить в него силу было гораздо проще, чем плести огромную структуру заново.

Увы, новых испанцев на мою территорию не заходило, а гранды продолжали сидеть в Тихуане. Не уверен, что они засекли ночное сражение, а значит, будут ждать возвращения группы и отреагируют не сразу. Придётся караулить, когда они начнут беспокоиться и пошлют ещё один отряд.

Время текло неспешно, становилось всё жарче, и я на время отключился от “сети”. Приказал принести стол с креслом и установить над ними навес от палящего солнца. Опричники этим не ограничились и затащили на крышу несколько здоровенных кадок с фикусами и пальмами, чтобы создать мне уют. А затем комендант прислал своего денщика с графином холодного морса. Так что я устроился с полным комфортом и лениво следил за испанцами. Увы, они не торопились на “свидание” со мной, и день прошёл в пустом ожидании.

Второй день начался так же тихо, как и предыдущий. Я изнывал от скуки на крыше арсенала, а мой отряд бездельничал по всему острогу. Киж обыгрывал местных любителей пораскинуть карты, Камбов проводил внеплановую ревизию. А шаман поднялся ко мне и сел в сторонке, прикрыл глаза и застыл как статуя.

— Не жарко? — спросил я Смеющегося Медведя, сидящего на самом солнцепёке.

— Пар костей не ломит, однако, — шаман усмехнулся. — Мы, алеуты, любим тепло.

Он вытащил расшитый платок и вытер пот со лба. Его кожа блестела от влаги, став густого тёмно-синего цвета.

— Но живёте на самом севере.

Смеющийся Медведь пожал плечами.

— Так получилось, князь. Наши предания говорят, что когда-то мы жили далеко-далеко в тёплых краях.

— Но враги выставили вас на мороз?

— Не враги, — шаман вздохнул, — а наша собственная гордыня.

— Расскажи мне, Смеющийся Медведь, эту легенду.

Притянув бубен, шаман стукнул в него ладонью и начал говорить нараспев:

— Давно, когда мир был юн, а звёзды пели хором, существовала земля Унанга — остров, рождённый из сердца океана. Там вулканы дышали огнём, а горячие ключи пели колыбельные. В центре острова стоял Хрустальный Столп — сердце Унанги, где духи земли и неба заключали союзы. Его свет как северное сияние окутывал долины, а в пещерах под ним росли сады изо льда и пламени.

Шаман раскачивался, продолжая мерно отбивать удары.

— Люди Унанги не строили домов — они растили их из кораллов и камня, словно раковины. Их лодки были крылаты, как чайки, и парили над волнами. Женщины ткали сети из лунных лучей, а мужчины вырезали маски, чтобы беседовать с духами. Воины несли волю Унанги людям в других землях и говорили, как им жить.

Ритм стал тревожным, а звуки бубна дребезжащими.

— Но народ Унанги возгордился от собственного могущества. Они захотели больше силы, чтобы самим занять место великих духов. Глупцы-шаманы пронзили Хрустальный Столп копьём из огня, и земля взвыла от боли. Духи-хранители разгневались, и небо почернело. Горы рухнули в море, а волны, высотой до звёзд, поглотили Унангу. Лишь немногие спаслись, уплыв на самый край земли. Чтобы духи-хранители не нашли их, они бросили летающие лодки, стали носить шкуры и назвались алеутами. Но до сих пор в шуме прибоя мы слышим плач Унанги и голоса гневающихся духов-хранителей.

Смеющийся Медведь замолчал и отложил бубен. А мне пришло в голову, что предание чем-то напоминает легенду об Атлантиде. Почему бы синекожим жителям Алеутщины не оказаться потомками атлантов? Если бы в этой сказке ещё говорилось, где они утопили летающие лодки, то можно было бы организовать археологическую экспедицию и проверить догадки на практике.

Додумать забавную мысль я не успел. “Ловчая сеть” задрожала, я закрыл глаза и засёк отряд испанцев, пересекающих реку Тихуанку.

Глава 9 - Минус два

Количество испанцев я оценил человек в пятьдесят, вряд ли больше. Гранд среди них тоже был, но его Талант показался мне странным. Сила в нём чувствовалась немалая, но горел он весьма тускло для такой мощи. Видимо, моя “ловчая сеть” вышла слишком уж редкая и давала искажения. Придётся на месте смотреть, что там за птица такая.

Отряд самоуверенно двигался на север вдоль побережья, ничуть не скрываясь. Что же, отличный повод устроить им засаду и продемонстрировать, как опасно недооценивать противника. Кстати, на полпути к острогу я заметил отличное место для западни по всем правилам военного искусства. Вот там мы их и встретим.

Когда мы подъезжали к месту будущей засады, у меня мелькнула мысль, что неплохо бы взять гранда живым. Нет, никаких полевых допросов с пристрастием — мы пока ведём цивилизованную войну, и первым переходить черту не в моих интересах. А вот взять в плен, подослать к нему Киж с рябиновкой и выяснить, кто реально командует в Тихуане, вполне возможно. Не думаю, что губернатор лично сидит в этой дыре и планирует операцию. Может, проще этого сударя банально купить? Попробовать стоит, но сначала надо поймать хоть одного гранда.

— Константин Платонович, дадите нам пострелять в этот раз? — спросил Камбов. — У нас тоже счёт к испанцам имеется.

— Успеете ещё, — я вздохнул. — Чувствую, воевать с ними будем долго.

Чтобы я о себе ни думал, стоит признать честно — военного гения у меня нет. Поэтому для устройства засады я привлёк Камбова и Киж. Мертвец спрятал тачанку в рощице пыльных акаций, планируя атаку хвоста колонны испанцев. А Камбов выбрал позиции для стрелков, рассеяв их на холме. Но главной ударной силой был всё-таки я, и мне пришлось порядком потрудиться.

Первым делом я устроил “мышеловку”. Прямо на дороге нарисовал middle wand’ом девятивершинную эннеаграмму с закорючками Печатей на углах. Давно я не пользовался этой связкой, но в эффективности ей не откажешь. “Ревущее пламя”, так её называют в некоторых справочниках, и не зря. Если влить в неё достаточно эфира, то в получившемся огне горит даже железо. Но такая температура была ни к чему, и я ограничился самым лёгким вариантом.

Кроме большого сюрприза для испанцев я соорудил несколько мелких. На валунах вдоль дороги вычертил связки со Знаками Силы и Концентрации. Эдакие мины направленного действия, разящие невидимыми ударами. Не всегда смертельные, зато отлично наводящие панику среди обычных людей.

Для засидки я выбрал густые заросли кустарника с мелкими листьями. Но решил не полагаться только на личный магический щит и снова занялся “черчением”. Связка стационарной защиты применяется редко, но в некоторых случаях она лучше любого бункера. Выдержит даже прямое попадание армейского “молота”, а “всполохи” так и вовсе будут отскакивать, как горошины. А если добавить пару Печатей, то можно весь бой сидеть внутри периметра спокойно, пить кофий и лениво стрелять по врагам. Главное — не дёргаться и не задевать линии связки.

Закончив построение, я устроился на тёплом камне и принялся ждать. “Ловчую сеть” решил не плести — гранд уже близко, а запас “пряжи” лучше побережь перед схваткой. Кстати, и без неё уже чувствовалось приближение разбуженного Таланта.

Я ошибся, причём существенно. Слишком разреженная “сеть” занизила оценку противника больше чем в два раза. Когда из-за поворота дороги выползла колонна в испанских красных мундирах, мне захотелось выругаться. Солдат было не меньше сотни, и все вооружены “огнебоями”, а не пороховыми ружьями, как принято в колониях. Похоже, губернатор занялся нами всерьёз и вложил в эту войну приличные средства.

С грандом тоже вышла промашка. Их оказалось двое! Вот почему сеть показывала “один” Талант так странно. Надо учесть свой промах на будущее и плести сеть гуще, если хватает сил. Или делать поправку, умножая все цифры на два.

Оба мага ехали впереди колонны на механических лошадях. Слева, ближе ко мне, суровый усатый дядька в дорожном костюме, похожим на военный мундир. Со шпагой и “громо-боями” на поясе, прикрытый взведённым магическим щитом. Он осматривался по сторонам цепким настороженным взглядом и с подозрением косился на мои кусты.

Второй гранд был его полной противоположностью. Моложе лет на десять, в неуместно дорогом камзоле, рубашке с кружевными манжетами, щегольской шляпе с пером. Он будто ехал в модный салон, а не на территорию к противнику. На лице расфуфыренного гранда застыло надменно-скучающее выражение, он непрерывно обмахивался платком и всем видом выражал недовольство.

А вот Талант у модника был раза в три мощнее, чем у хмурого дядьки. Но первый гранд показался опаснее — на мой взгляд, опыт важнее грубой силы. Подловить ветерана гораздо сложнее, а в драке он будет действовать эффективнее.

— Alto!

Усатый дёрнул поводья и вскинул руку, приказывая остановиться. Офицер, безусый юнец, ломающимся голосом повторил команду, и колонна стрелков замерла в клубах оседающей пыли.

Испанский я не учил целенаправленно. Где я — и где Испания? Но долгое время, проведённое с Диего, дало о себе знать — мне было понятно, о чём говорят гранды. Надо будет сказать ей при случае спасибо за невольные уроки языка.

— Что такое, Сантьяго? — капризно спросил щёголь и скорчил недовольную мину. — Тебе опять мерещатся в кустах русские?

— Мне не нравится это место. — Взгляд усатого стал ещё суровее, а вокруг он осматривался с ещё большим подозрением.

— Хватит уже! — Щёголь сложил платок и жеманным жестом промокнул лоб. — Мы так весь день будем таскаться по этой пустоши. Если нам придётся здесь ночевать, я попрошу маркиза, чтобы ты не вылезал из дозоров.

Усатый Сантьяго покосился на спутника с презрением и поджал губы.

— Если из-за твоей беспечности мы попадём в ловушку русских, то оба будем ночевать в уютных могилах.

Щёголь расхохотался, махнув платком на усатого.

— Ловушку? Ты глупее, чем кажешься, Сантьяго. Эти северные дикари боятся высунуться из своей крепости, да и магов у них нет ни одного. Хватит молоть ерунду. Поехали уже, я хочу вернуться в Тихуану до заката.

Он стукнул коня пятками и, не дожидаясь спутника, поскакал вперёд. От раздражения и плохого контроля его Талант выбрасывал вокруг протуберанцы силы, и это сыграло с ним дурную шутку. Один из выбросов сырого эфира ударил в землю, в самый центр подготовленной “мышеловки”. Перенасытил контур и заставил деланную связку работать.

Бабах!

Глухо бахнув, вверх устремился столб обжигающего пламени. Щёголь судорожно вскинул руки, его конь встал на дыбы, и огонь окутал их, скрывая от взглядов. А через мгновение

из гудящего пожара выскочил пылающий механический жеребец и, будто конь апокалипсиса, потерявший своего седока, помчался прочь.

Усатый не успел пересечь границу “мышеловки”, и пламя задело его только краем. Щит отсек языки огня, а в следующую секунду гранд уже спрыгнул на землю. Его конь рванул прочь, а он пригнулся, прячась за камнем, и стал торопливо окутывать себя дополнительными щитами.

Нет, так дело не пойдёт! Я вскинул Нервного принца и один за другим стал посылать в гранда силовые Знаки. Усатый задёргался, не видя моей позиции, швырнул огненный всполох в молоко и снова принялся лепить одноразовые щиты вокруг себя.

В этот момент мои опричники открыли стрельбу. Как и было приказано, они игнорировали гранда и целились только по стрелкам. Маги — моя забота, а простые люди пусть разбираются с такими же людьми.

Пехотный офицерик в первый момент растерялся, хлопая глазами и удивлённо открыв рот. У него имелся совсем слабенький Талант, видимо, натренированный только на защиту. Так что выстрелы опричников не причинили ему вреда, но вывели его из ступора.

— *Formen en dos filas!*

Заорав, он выхватив шпагу и указал ею на холм, где засели опричники. Колонна быстро начала разворачиваться в две шеренги. Рассыпной строй? Забудьте! Европейцы умеют воевать только залпами, строй на строй, и ходить в штыковую. Ну, пусть попробуют достать опричников, прячущихся в зарослях.

— *Abran fuego! Fuego todos!*

Строй пехотинцев поднимал ружья, готовясь к стрельбе. Но раньше, чем они успели выстрелить, я активировал направленные “мины” на камнях. Часть ушла в сторону, но две всё-таки попали в шеренги, разбросав солдат, как кегли, и прорубив в рядах целые просеки.

А следом над полем боя раздался громогласный смех и стрёкот гигантского кузнечика. Из-за деревьев, как чёртик из табакерки, на полном ходу выскочила тачанка. Киж гнал лошадей во всю прыть, а синекожий шаман, вывернув картечницу, поливал огнём строй испанцев. Пролётка подпрыгивала на ухабах, ствол дёргался, и большая часть выстрелов прошла над головой пехоты. Но этого оказалось достаточно, чтобы добить пошатнувшийся моральный дух. Солдаты не выдержали и кинулись врассыпную, бросая оружие, падая на землю и закрывая голову руками. А шаман всё хохотал и хохотал, повергая в ужас рядовых испанцев.

Только мальчишка-офицер стоял, вытянув шпагу в сторону опричников, пока до него не добралась очередь картечницы. Она перегрузила щит, рассыпавшийся хрустальными осколками, и офицерик рухнул на землю как подкошенный.

Между тем моя дуэль с усатым грандом зашла в тупик. Хотя и не слишком сильный Талант, он оказался чересчур тренированным. И ставил щиты быстрее, чем я атаковал его middle wand’ом. Всё же Знаки деланной магии формируются на доли секунды дольше, чем Талантливые заклятья. Так что, ставя щиты, он успевал ещё и периодически кидаться всполохами по кустам, где я сидел. И даже когда опричники перенесли огонь на усатого, он продолжал держать удар.

В воздухе явственно запахло перегаром эфира, а Нервный принц чувствительно нагрелся. Пожалуй, стратегию надо менять, а то мы так до вечера будем перестреливаться. Можно, конечно, ударить его чем-то посильнее, но тогда и живым брать будет некого.

Я перекинул middle wand в левую руку и сформировал перед собой щит. А правой выхватил шпагу и, не скрываясь, пошёл к гранду. Он не ожидал моего появления, но быстро сориентировался и начал лупить по мне всполохами. Да-да, конечно! Щит на прямой подпитке от Нервного принца не проломить даже “молотом”, не говоря уже о такой мелочи.

Усатый не выдержал и задёргался. Выхватил “громобой” и выстрелил в меня с обеих рук. Бросил пистолеты и попытался обнажить шпагу. Но я уже был рядом и взмахом клинка прочертил букву Z, развеивая его щиты. Следом острие упёрлось гранду между ключицами.

— Сдавайтесь, сударь.

Полагаю, мой испанский был ужасен, но он меня прекрасно понял. Вздыхнул, снял с пояса шпагу и протянул мне.

— Признаю своё поражение, — он криво улыбнулся и спросил на плохом русском: — Чьим пленником имею честь быть?

— Я князь Урусов-Алеутский.

Испанец поклонился и устало опустил на камень.

— Благодарю, князь. Ещё чуть-чуть — и мой Талант сторел бы от напряжения. Если позволите, я немного отдохну.

Я кивнул и рукой махнул опричникам. Пришло время собирать трофеи и выживших.

Из сотни пехотинцев уцелело почти семьдесят человек. Но ни один и не подумал сопротивляться, когда десяток моих опричников согнал пленных вместе и построил их в колонну. Их “огнебой” стали нашей добычей и пополнят арсенал Свято-Дмитровского острога — воевать ещё долго, и оружия потребуется много. Безусый офицер тоже выжил, получив ранение в ногу.

Самое поразительное, что уцелел и второй гранд. Правда, теперь он не походил на прежнего щёголя: одежда обгорела, лицо было перепачкано сажей, а сам он находился в крайне нервическом состоянии. Косился на меня с ужасом и непрерывно жаловался усатому на превратности судьбы. Думаю, разговорить его будет несложно, и я узнаю о противнике всё необходимое.

Глава 10 - Де Суньига

Свято-Дмитровский острог встретил нас грохотом выстрелов — не вражеских, а ликующих. Опричники на стенах, завидев нашу колонну с пленными и трофеями, начали палить в воздух, отдавая салют победителям. Крики «ура!» и «князь!» сливались с треском «огнебоев», отчего воздух дрожал, как перед грозой. Гарнизон наконец отыгрался за постоянные поражения последнего месяца.

Комендант, прибежавший к воротам, сиял от радости и восторга.

— Константин Платонович! Вы наш добрый гений! Ура князю!

Он сам взял моего коня под уздцы и завёл его в острог.

— Сидор Петрович, примите трофеи. Почти сотня “огнебоев”, думаю, вам они пригодятся.

Подъямпольский тут же кинулся выполнять распоряжение, а я сделал знак Камбову.

— Семён Иванович, пленных накормить и отправить в Ангельскогорск, нечего их здесь держать.

— Так у нас тюрьмы-то нет, Константин Платонович, тем более на семьдесят душ. Где их держать?

— Палаток хватит, — я махнул рукой. — Климат тёплый, чай не замёрзнут. Огородите лагерь за городом, выдайте им парусину, жерди, чтобы они сами построили временное жильё. И вот что — своё содержание они должны будут отработать. Пусть дороги чинят, канавы роют, чистят выгребные ямы. Тем, кто будет хорошо работать, ненавязчиво намекайте: если не хотят воевать, могут попроситься в российское подданство. Дадим им землю, небольшие подъёмные, пусть селятся и живут. Выдавать их Испании мы не будем.

— Сделаю. А грандов, — Камбов кивнул на колдунов, — тоже в Ангельскогорск?

— Нет, эти нужны мне здесь. Найдёшь, где разместить?

— Что-нибудь придумаем, — ухмыльнулся Камбов. — Подвалы в остроге просторные, решётки тоже имеются.

Гранды, проделавшие весь путь до острога пешком, стояли молча. Усач Сантьяго, хоть и поблёкший от усталости, осматривал острог с некоторым интересом. А вот щёголь был подавлен и безрадостен, с его лица не сходило плаксивое выражение. Оба поклялись на Талантах не вредить и не пытаться бежать. Смотреть им, правда, никак не запретишь, но мы покажем им только то, что захотим, да и пробудут они здесь недолго.

— Дмитрий Иванович, — я подозвал Кижю. — Будь добр, приглядывай за нашими гостями. Клятвы клятвами, но подстраховаться не помешает.

— Если попытаются бежать, разрешите мне их... — он провёл пальцем по горлу и расплылся в улыбке, увидев мой кивок. — Не беспокойтесь, ни один за ворота не выйдет.

Я не торопился допрашивать пленнх грандов, давая им созреть. Подвалы, даже тёплые и сухие, отлично стимулируют мыслительные процессы и сговорчивость. К тому же пять следующих дней я просидел на крыше арсенала, отслеживая действия испанцев “ловчей сетью”.

Мы с Камбовым ждали ответной реакции на исчезновения двух отрядов и активных действий испанцев. Но, к нашему величайшему удивлению, так ничего не дождались. Ни один испанский солдат не пересёк Тихуанку, а оставшиеся гранды продолжали сидеть в городе. Испанцы решили отказаться от военных действий? Или готовят что-то масштабное? Судьба своих людей им безразлична? Чтобы получить ответы на эти вопросы, я наконец взялся за испанских магов.

Первым стал усатый Сантьяго Лопес де Суньига. Киж привёл его на крышу, практически ставшую моим рабочим кабинетом. Было видно, что жизнь испанца немало потрепала, но осанка и выправка говорили о благородном происхождении.

— Присаживайтесь, сеньор де Суньига. Вина?

— Благодарю вас, князь, — усач кивнул, опустился в кресло и налил себе бокал белого.

— Честно говоря, не предполагал, что в Америке познакомлюсь с испанским грандом.

Испанец натянуто улыбнулся.

— Я не гранд, ваша светлость, а всего лишь идальго. Мой Талант недостаточно хорош для этого звания.

— А ваш друг, с которым вы были?

— Он — да, — де Суньига грустно усмехнулся, — гранд.

— Странно, вы доставили мне гораздо больше хлопот.

— Опыт, ваша светлость. Бедному идальго, не имеющему земли и денег, остаётся только продавать свой Талант и шпагу. А я занимаюсь этим не один год.

Думаю, звание гранда, испанского боевого мага, он не получил не из-за силы Таланта. Насколько я слышал, для этого требовалось внести немалую сумму в королевскую казну.

— Полагаю, сейчас вас наняли, чтобы прогнать меня с этой земли?

Де Суньига изобразил короткий поклон.

— Ваш наниматель рассчитывал, что здесь нет магов?

— Простите, ваша светлость, но я не могу рассказывать об этом. По крайней мере, пока не будет завершён контракт.

— Полагаю, ваш наниматель захочет вас выкупить из плена?

Судя по тому, как дёрнулась его щека, особой надежды на выкуп он не питал.

— Это нужно спрашивать у него, ваша светлость.

— Спрошу, если вы его назовёте.

— Дон Фернандо Хавьер Ривера-и-Монкада, губернатор провинции Нижняя Калифорния.

— А вы сами? Не готовы предложить выкуп?

— Боюсь, ваша светлость, что не располагаю нужной суммой и буду вынужден положить на ваше гостеприимство до окончания контракта.

— Когда он заканчивается?

— Через год, ваша светлость.

Я кивнул и поднял свой бокал.

— Ваше здоровье, сеньор де Суньига.

— Ваше здоровье, князь.

Что же, с этим сударем всё было ясно. Наёмник, дорожащий своей репутацией. Впрочем, идальго почти все такие: гордые, драчливые и вспыльчивые, строго следящие, чтобы не пострадала их честь. За это их и любили нанимать по всей Европе: если идальго взял золото, он никогда не ударит в спину патрону.

— Скажите, сеньор де Суньига, а ваш контракт не запрещает давать вам консультации?

— Ммм... Простите, ваша светлость?

— Я здесь человек новый, знаете ли, и плохо понимаю, в чём причина претензий сеньора губернатора ко мне. И хотел бы услышать пояснения человека, разбирающегося в здешней политике. В обмен, скажем, на тысячу эскудо.

Испанец задумался на несколько секунд, улыбнулся и налил себе ещё вина. Уверен — предложенный гонорар за “консультацию” был больше, чем стоимость его контракта.

— Что же, я смогу вам помочь, ваша светлость. Тем более что в этом нет никакого секрета. Дон Фернандо не скрывает, что должность губернатора для него “маловата”. А у генерал-капитана Западных внутренних провинций в следующем году заканчиваются полномочия,

и он возвращается в Испанию. Если дон Фернандо сможет вернуть Верхнюю Калифорнию, занятую вами, то наверняка получит вакантную должность генерал-капитана.

— Вернуть? Не припомню, чтобы мои люди выгоняли испанских поселенцев из Верхней Калифорнии.

— Эти земли уже давно на всех картах обозначены частью Новой Испании. По праву первооткрывателей, так сказать.

— Рисовать на картах и владеть — очень разные вещи, — я улыбнулся. — А губернатор не боится спровоцировать войну между Испанской и Российской империями?

— Что вы, ваша светлость, какая война? В случае недовольства вашей императрицы вице-король Новой Испании скажет, что это мелкие пограничные инциденты, и свалит всё на самоуправство губернатора. Особенно, если Верхняя Калифорния уже будет занята его войсками.

— То есть моё недовольство в расчёт не берётся?

Де Суньига пожал плечами и сделал глоток из бокала.

— Не в обиду вам будет сказано, ваша светлость, но Алеутское княжество всем видится лишь прихотью вашей императрицы. Формальный подарок, чтобы вручить вам княжеский титул. Никто не считает, что вы всерьёз будете держаться за эти земли. Кажется, сначала вам хотели предложить отступные, но дон Фернандо мнит себя стратегом и хочет немного повоевать.

Вот оно, значит, как. Что же, придётся губернатору и вице-королю осознать ошибочность своих заблуждений. Калифорщину я не собираюсь отдавать ни под каким предлогом, а может, ещё и заберу в качестве компенсации часть испанских земель. Но пока я готовлюсь, пусть думают как сейчас.

— Скажите, сеньор де Суньига, а что за маркиз вами командует?

Испанец поморщился.

— Дон Карлос Хоакин Спинола де ла Куэва. Он пока не маркиз, а только наследник титула де Лос-Бальбасес.

— Полагаю, у него весьма сильный Талант?

Де Суньига пожал плечами.

— Не имел чести видеть его в настоящем деле. Говорят, он весьма неплох, но страсть к картам не позволила сделать ему военную карьеру.

Судя по выражению лица, де Суньига не жаловал маркиза и был не слишком рад ему подчиняться.

— Он игрок?

— Ещё какой, ваша светлость. Собственно, губернатор и сумел получить дона Карлоса, купив его карточные долги. Маркиз не слишком обрадовался такому повороту: эту войну он считает “крысиной вознёй”, и, по его мнению, войска легко справятся без магов. По большей части он свалил рутину на заместителя, только подписывая приказы.

— А его заместитель...

— Леон де Круа, — испанец осклабился, — вы его “пригласили в гости” вместе со мной.

Ты посмотри, какая неожиданная удача! И кажется, я знаю, как ею распорядиться.

Спросив у де Суньига ещё какие-то мелочи, я поблагодарил его за “консультацию”.

— Если желаете, сеньор, я могу прямо сейчас выдать вам тысячу эскудо. Полагаю, сотни из них будет достаточно в качестве выкупа из плена. Или...

Испанец вопросительно поднял бровь.

— Или можете остаться моим гостем до окончания войны. Вас отвезут в Ангельскогорск и устроят со всеми удобствами. А когда закончится война или ваш контракт, сможете отправиться куда пожелаете.

— Пожалуй, я воспользуюсь вашим гостеприимством. Быть может, дон Фернандо всё же решит меня выкупить, а я не так богат, чтобы разбрасываться эскудо.

Мы отлично поняли друг друга. После поражения испанец здраво оценивал свои шансы и не спешил снова встретиться со мной на поле боя. Наёмники всегда отличаются трезвым здравомыслием: если есть шанс и сохранить честь, и заработать, они выберут именно его.

Я не торопился допрашивать второго пленника. Вместо этого проверил “ловчую сеть” ещё раз, убедившись в бездействии испанцев, а затем вызвал к себе Камбова и Киж.

— Дмитрий Иванович, ты не хотел бы прогуляться в Тихуану?

Мертвец встрепенулся.

— С удовольствием, Константин Платонович! Что должно произойти? Несчастные случаи с грандами? Или губернатор упадёт с лестницы?

— Тише! Никаких ликвидаций и террора. Тем более что грандов ты можешь не потянуть.

Киж состроил недовольное лицо, но спорить не стал. И правильно сделал — он был слишком ценен, чтобы я рисковал, используя его как диверсанта.

— Да и убийство губернатора не поможет. Назначат нового, и война всё равно будет. Твоя задача — исключительно разведка. И никакой самодеятельности!

— Как скажете, Константин Платонович.

— Во-первых, найди старшего из грандов Карлоса де ла Куэва. Постарайся не попадаться ему на глаза, только выясни, где живёт и проводит время. Во-вторых, найди рядом с городом место, где можно пересидеть день-другой. И в-третьих, достань себе и мне костюмы испанских дворян.

— О! — Киж радостно ощерился.

А вот Камбов, наоборот, резко помрачнел.

— Константин Платонович, я возражаю!

— Оставьте, Семён Иванович.

— Вы князь, а не опричник, и не имеете права рисковать собой. На вас Алеутское княжество, и вы обязаны думать о нём в первую очередь. Если требуется, я сам готов поехать в Тихуану и...

— Семён Иванович, ты думаешь, я не понимаю этого? Успокойся, никаких сражений и прочего мальчишества. Я собираюсь только провести переговоры, не больше. Увы, но никто, кроме меня, этого сделать не сможет — маркиз вряд ли послушает тебя или Дмитрия Ивановича.

Камбов ещё поворчал, но успокоился и больше не возражал.

— Твоя задача, Семён Иванович, обеспечить проход Дмитрия Ивановича в Тихуану и обратно. У тебя же есть там люди?

— Есть. Можете вычеркнуть второй пункт — они предоставят убежище в городе и прикроют в случае нужды.

— Вот и отлично! Дмитрий Иванович, тогда проверь весь маршрут и возвращайся. А я пока подготовлю некоторые аргументы для переговоров.

Глава 11 - Жадность и фальшивка

Разговор со вторым пленником я совместил с обедом. Как раз требовалось создать доверительную атмосферу, чтобы у него появился нужный настрой.

Молодой гранд Леон де Круа с момента попадания в плен пребывал в угнетённом состоянии духа. Его щегольской наряд превратился в обгорелые лохмотья, совершенно ни на что не годные. Мои опричники, сочувствуя и хихикая одновременно, собрали пленному одежду из собственных запасов. Не совсем по размеру, не сходное по стилю и цвету, но чистое и целое. В результате гранд стал похож на мещанина, отчего окончательно впал в уныние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.